

158

БУЛЕТИНУЛ
АКАДЕМИЕЙ ДЕ ШТИИНЦЕ
А РСС МОЛДОВЕНЕШТЬ

ИЗВЕСТИЯ
АКАДЕМИИ НАУК МОЛДАВСКОЙ ССР

общ.

БУЛЕТИНУЛ
АКАДЕМИЕЙ ДЕ ШТИИНЦЕ
А РСС МОЛДОВЕНЕШТЬ

ИЗВЕСТИЯ
АКАДЕМИИ НАУК МОЛДАВСКОЙ ССР

№ 8

СЕРИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК

1964
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«КАРТА АБДОНЕНЯСКИНА»
СОУЩИНЕНЕВ 1964

П. В. СОВЕТОВ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

академики АН МССР: Я. С. Гросул (главный редактор), И. К. Вартичан (зам. главного редактора), член-корреспондент АН МССР Е. М. Руссев, кандидаты исторических наук: С. Я. Афтенюк, С. Э. Левит, Н. А. Мохов, В. С. Зеленчук, кандидат философских наук В. Н. Ермуратский.

О НАИМЕНОВАНИИ КРЕСТЬЯН—МЕЛКИХ
ЗЕМЛЕВЛАДЕЛЬЦЕВ
В МОЛДАВИИ XV—СЕРЕДИНЫ XVI ВВ.

(КТО ТАКИЕ СОДЫШИ?)

В исторической литературе издавна идет дискуссия о том, кто такие содыши. Это не просто терминологический спор. Дискуссия затрагивает один из коренных вопросов истории молдавского крестьянства.

Сама история спора о значении термина «содыш», встречающегося в XV—XVII вв., весьма любопытна. Очень долго исследователи не могли найти в молдавских источниках XV — середины XVI вв. какой-либо специальный термин, обозначающий категорию крестьян—мелких землевладельцев. Между тем среди историков было распространено мнение, что каждая категория сельского населения Молдавии XV — середины XVI вв. обязательно должна быть представлена в источниках точно выраженным термином. В связи с этим в начале XX века в румынской буржуазной историографии была высказана гипотеза о том, что в XV—XVI вв. молдавские свободные крестьяне именовались содышами. Исследователи предполагали, что нашли выход из того сложного положения, в которое они попадали в связи с почти полным отсутствием сведений об этой категории населения. Авторы, разделяющие подобную точку зрения, обычно утверждали, что данных о свободных крестьянах в XV — середине XVI вв. почти нет, известно только, что в источниках они назывались содышами.

Впервые такой взгляд был высказан буржуазным историком и археологом И. Богданом, издавшим в 1913 году одну из лучших в то время публикаций древних грамот Молдавии XV века. В терминологическом указателе к этому изданию термин «содыш» был представлен как синоним понятия «резеш»¹. По мнению И. Богдана, оба понятия — «содыш» и «резеш» — употреблялись в разное время для обозначения одной и той же социальной категории крестьян—мелких землевладельцев². Автор не попытался обосновать более подробно свое предполо-

¹ Наше мнение о резешском землевладении и резешах см. подробнее: П. В. Советов. Проблема долевого землевладения в Европе (VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук). М., 1964; Д. М. Драгнев и П. В. Советов. О резешском землевладении в Молдавии XVI — сер. XVIII вв. Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1962, Минск, 1964. В указанных работах высказано мнение о резешском землевладении как долевого землевладении. Там же доказывается, что термином «резеш» обозначали в документах далеко не однородную социальную категорию и он употреблялся для обозначения совладельцев дольщиков резешского села. Но большая часть резешей действительно была крестьянами, особенно в более позднее время.

² I. Bogdan. Documentele lui Ștefan cel Mare, vol. II. București, 1913, p. 588.

п 46222
Центральная научная
БИБЛИОТЕКА
Академии наук Царгвской ССР

жение, но несмотря на это его интерпретация стала переключиваться в таком виде из одной научной работы в другую.

Не будучи в состоянии объяснить, почему «резеш» упоминаются в источниках только с конца XVI века и как до этого именовалась эта категория сельского населения, некоторые историки нашли выход в том, что стали вслед за И. Богданом отождествлять понятия «содыш» и «резеш». Так постепенно, без специального исследования, в историографии утвердилось мнение о том, что термин «резеш» пришел в конце XVI века на смену более древнему термину «содыш».

На такую позицию стали многие буржуазные историки Румынии. В своем исследовании о землевладельцах Молдавии, опубликованном в 1934 году, И. Филитти писал, что термин «резеш» впервые встречается в 1580 году вместо более старого понятия «содыш»¹.

Такое же отождествление допускают и некоторые современные историки народно-демократической Румынии, например, В. Ханга и Шт. Паску — авторы «Хрестоматии по истории государства и права Румынии»². Такая точка зрения широко распространена среди современных румынских ученых, об этом убедительно говорят материалы многотомной коллекции феодальных документов, подготовленной большим коллективом историков Академии наук РНР. При упоминании термина «содыш», авторы разъясняют его как синоним терминов — «резеш», либо «товарищ собственник»³.

В советской историографии подобную точку зрения защищает Ф. А. Грекул. Он также исходит из того, что до 1580 года крестьяне-резеш именовались содышами⁴. Это положение, высказанное автором еще в 1950 году, было поставлено под сомнение другим советским историком Н. А. Моховым, который считал «плодом чистого недоразумения утверждение о наличии в Молдавии особой категории крестьян «содышей»⁵.

Научная дискуссия, возникшая в 50-х гг. вокруг термина «содыш», так и не была завершена, ибо правильного определения понятию «содыш» не было дано. Н. А. Мохов предполагал, что содышами в XV—XVI вв. называли всех свидетелей — присяжныхников. Ф. А. Грекул, хотя и вынужден был признать, что история термина «содыш» еще «пока не ясна», в новой монографии, опубликованной в 1961 году, опять без всяких изменений воспроизвел свое прежнее мнение о «содышах» как особой категории крестьян. Автор утверждает здесь, что «...термин содыши или резеш употреблялся в разное время для наименования одной и той же социальной категории — молдавских сословно-неполноправных крестьян, зависимых от государства, в пользу которого они несли различные повинности»⁶.

¹ I. C. Filitti. Proprietarii solului în trecutul Principatelor Române. Anal. Acad. Rom. Memorii secf. Istorice, seria III, t. XVI. Bucureşti, 1934 (extras), p. 22.

² V. Hanga și Șt. Pascu. Crestomație pentru studiul istoriei statului și dreptului R.P.R., vol. II (Feudalismul). Bucureşti, 1958, p. 130.

³ Documente privind Istoria României A., Moldova, veacul XVI, vol. I, p. 10; vol. II, p. 58.

⁴ Ф. А. Грекул. Социально-экономический и политический строй Молдавии второй половины XV века. Кишинев, 1950, стр. 38.

⁵ Н. А. Мохов. Рецензия на работу Ф. А. Грекула «Социально-экономический и политический строй Молдавии второй половины XV века». Ученые записки Кишиневского Государственного университета, т. VI. Кишинев, 1953, стр. 144—146.

⁶ Ф. А. Грекул. Аграрные отношения в Молдавии в XVI — первой половине XVII вв. Кишинев, 1961, стр. 132—133, 430.

Таким образом, проблема «содышей» по-прежнему стоит в повестке дня нашей историографии. При таких обстоятельствах, учитывая результаты длительной дискуссии, в нашем сообщении мы сочли нужным не просто поставить под сомнение понятие «содыши» в смысле определенной категории крестьян (как до сих пор делали историки, оспаривающие такой взгляд), но и подробно раскрыть, что означал этот термин. Только таким образом можно будет окончательно разрешить давний спор и устранить серьезное недоразумение в изучении истории молдавского крестьянства.

Мы попытаемся это сделать не только на основании давно известных материалов, но, главным образом, за счет привлечения новых, в том числе и архивных источников¹.

Начнем с известного документа от 22 февраля 1502 года, который послужил И. Богдану основанием для интерпретации термина «содыш». В этой грамоте Стефан III подтверждает вистернику Исаку село Долхешть. Селение было приобретено у некоей Добры и ее двух племянников — внуков портаря Шандри. Одновременно с покупкой Исаак получил «привиліа шо имали оуика своего пана Шандръ портаръ от нас же на тое село на Долхещи, и еще двѣи старѣи привиліи шо имали их содышеве от нашего деда от Александра воеводи на тоежь вишеписанное село на Долхещи» (подч. нами.— П. С.)². И. Богдан в комментариях объяснил «содышеве» как «сособственник резеш»³. С тех пор соответствующее место стало доказательством тождественности понятий «содыш» и «резеш», на которое ссылается большинство историков (И. Филитти, Ф. Грекул и др.)⁴.

Дело в том, что И. Богдан подошел недостаточно критически к источнику в целом. По его мнению, одна часть документов на владение селом Долхешть была в руках Добры и ее племянников, другая — более древние акты — в руках «их содышеве», то есть, по И. Богдану, сособственников села, резешей. Однако грамота 1502 года не позволяет сделать такого вывода. В ней точно указано, что привилей от Александра Воеводы имели «их содышеве», то есть не только содыши одной Добры и ее двух племянников, но и самого деда Шандри, жившего в XV веке.

Содыши, таким образом, выступают как лица, от которых древние документы получили Шандря и его потомки: Добра и два сына другой его дочери Марины. Иных сособственников в селе не было. И. Богдан не обратил на это внимание. Мимо него прошло и ясное указание в начале грамоты, что село Долхешть, которое продают потомки портаря Шандри, было «выкупленным» последнего, то есть является землевладением, благоприобретенным в результате купли. Итак, Шандря ранее сам купил все село целиком у прежних владельцев, которые имели грамоты на владение от Александра Воеводы (1401—1432 гг.). Имен-

¹ Архивный материал был собран автором в государственных архивах Румынской Народной Республики в 1960—1961 гг. Автор считает своим долгом благодарить сектор средних веков Института истории АН РНР за предоставление ряда копий неопубликованных архивных документов. Сокращения научного аппарата со ссылкой на архивы даны следующим образом: Arhivele statului Iași (Arhivele St. Iași), Biblioteca Academiei R.P.R. Secția de manuscrise (Academia R.P.R.).

² I. Bogdan. Op. cit., vol. II, p. 196.

³ Там же, стр. 197.

⁴ I. C. Filitti. Op. cit., p. 22; Ф. А. Грекул. Социально-экономический и политический строй Молдавии второй половины XV века, Кишинев, 1950, стр. 38.

но они, а также их потомки и названы содышами, получившими грамоты от Александра I.

Когда в 1502 году потомки Шандри вновь продали село вистернику Исаку, они передали ему все грамоты, в том числе и те, которые «имали их содышеве от нашего деда от Александра воеводи», то есть документы, переданные семье и наследникам Шандри от прежних продавцов, именуемых «содышами».

Следует заметить, что в молдавской дипломатике XV—XVI вв. подобные документы, передаваемые при купле-продаже земли, именуется «привилеями за содыши»¹, что и привело авторов, отождествляющих понятие «содыш» и «резеш», к неправильному переводу «привилеи за товарищество», или резешское сособственничество в общине. Такое неправильное объяснение соответствующему месту в грамоте 1554 года и дали авторы новейшего корпуса документов, подготовленного Академией наук РНР².

Беспокойство покупателей земли насчет «содышей» и «содышских свидетельств» нам вполне понятно. В целом ряде судебных поземельных тяжб требуется выставление содышей в качестве доказательства права собственности на благоприобретенное имущество. Например, 7 апреля 1589 года господарь Петр Хромой с «бсѣри нашими велѣхом им (сыновьям Ионашко и Козмы, у которых оспаривается право на благоприобретенную землю. — П. С.) да поставѣт себѣ содыши или приходят божилницы, како да свидетельствуат на дѣшах своих како Нѣдабайко продал тое место. И они содыши не могли поставити ни свѣдетели принести»³.

С другой стороны, из того же документа узнаем, что содышем должен был быть Надыбайко, который, однако, в суд не явился и не подтвердил тем самым факт продажи оспариваемого участка земли. В результате того, что ответчики не смогли доставить в суд ни содышей, ни соприсяжников, они теряют тяжбу по поводу земельной собственности. В данном случае содыш противопоставляется свидетелю-соприсяжнику. Требуется либо свидетель, либо сам отчуждатель-содыш. Это показывает, что содыши не были свидетелями-соприсяжниками⁴.

Содышем являлся принадлежащий к любому сословию законный или недобросовестный отчуждатель имущества. Именно в этом последнем качестве содыш мог выступать в суде, подтверждая правомерность владения и отчуждения оспариваемого имущества либо неся ответственность в случае, если оно признавалось похищенным. В источниках находим упоминания о содышах — выходцах из совершенно различных категорий населения, в том числе и из представителей господствующего класса. В грамоте от 3 апреля 1560 года содышем назван феодал Влад Семенескул, продавший ранее при господаре Петре Рареше село Влэдешть Петрике портарию⁵.

¹ Documente, veac. XVI, vol. II, p. 58.

² Там же, стр. 57—58, 138. Такое же отождествление можно встретить в последней монографии Ф. А. Грекула (Указ. соч., стр. 132—133). В проводимом им документе от 8 сентября 1585 г. говорится о грамотах, которые были «привилеи им съдѣши»; в другом документе — от 10 сентября 1585 г. речь идет о резешах тех же вотчин. Но эти термины не находятся ни в какой логической связи между собой. (G. Ghibănescu. Surete și izvoade, vol. XIX. Iași, 1927, p. 190—191).

³ Academia R.P.R., DLXIV/26.

⁴ Н. А. Мохов продолжает придерживаться этой точки зрения и в настоящее время. Так, в своей последней монографии («Молдавия эпохи феодализма», Кишинев, 1964, стр. 252) он утверждает, что «содышем называли соприсяжников в судах».

⁵ Documente, veac. XVI, vol. II, p. 138 (Фотокопия оригинала, там же, стр. 285).

Самым интересным является тот факт, что содыши выставлялись не только при тяжбах о недвижимости.

В торговом привилее 1457 года, пожалованном Стефаном III купцам брашовским, указано: «А також, кто коли имѣт познати оу них кони или вола, буд где оу нашей земли, и доведет наш чловѣкъ на брашовѣне из добрыми людми, а брашовѣни не мочи имѣт поставити содыша за кон или за вол, а брашовѣни да стратѣт того конѣ или вола, а болше глобу не имаает ни грош; тулко щобы им был иш код, а болше нищо»¹ (подч. нами. — П. С.).

Таким образом, из этого документа явствует, что если кто-либо найдет свой скот у брашовского купца, последний должен выставить лицо, у которого он его приобрел, то есть содыша. Тогда купец не терпит никаких убытков, а содыш сам несет расходы или ищет, в свою очередь, своего содыша.

В таком виде молдавский институт содышей напоминает составную часть так называемого свода, который встречаем в «Русской Правде» и в других памятниках древнеславянского права².

Обычно при своде человек, у которого была найдена похищенная (или оспариваемая) вещь, должен был доказать способ ее приобретения, указав лицо, у которого она была приобретена. Согласно вышеупомянутой грамоте 1457 года, именно таким образом и должны были поступить купцы г. Брашова, указав на своего содыша, то есть лицо, у которого они приобрели скот. То же требование в отношении содышей содержится и в грамотах Александра II от 3 августа 1449 года и 12 августа 1452 года³.

В таком случае возникает вопрос, не находим ли мы вообще проявление института свода в Молдавии XV и XVI вв. и не стоит ли в прямой связи с ним понятие «содыш». Оказывается, что на этот вопрос мы можем дать вполне утвердительный ответ.

Подробные сведения о своде в молдавском праве XV—XVI вв. находим, в первую очередь, в ряде договоров Молдавии и Польши о судопроизводстве в пограничных областях обеих сторон.

Древнерусское право допускало свод, то есть возможность выставить «содыша» только до третьего лица, которое обязывалось уплатить собственнику похищенной вещи ее стоимость и могло в свою очередь продолжать свод⁴.

Проект договора Молдавии и Польши 1537 года предусматривал свод до четвертого лица. «Равным образом, — говорится здесь, — тако-го рода изыматель (т. е. содыш) другого изымателя указать и поставить должен и таким же образом второй третьего, третий четвертого, четвертый уже больше не защищается никакими изымателями, но опла-

¹ I. Bogdan. Op. cit., vol. II, p. 262.

² См. В. И. Курдиновский. Что такое свод нашего древнего права? Юридические известия, 1913, № 8, стр. 209 и др.; И. Эверс. Древнейшее русское право. СПб., 1835, стр. 332; И. Дювернуа. Источники права и суд в древней России. М., 1869, стр. 172; М. Ф. Владимирский-Буданов. Обзор истории русского права. Киев, стр. 619. Ф. И. Леонтович. Русская правда и Литовский статут. Киев, 1865, стр. 16—25. По мнению С. В. Юшкова, свод представлял собой способ отыскания конечного татя и средство защиты человека, обвиняемого в краже, отводом, сведением с себя подозрения в краже путем указания в первую очередь источника приобретения спорного имущества (т. е. чаще всего отчуждателя). С. В. Юшков. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949, стр. 515—518.

³ I. M. Costăchescu. Documente moldovenești înainte de Ștefan cel Mare, vol. II, p. 743—744, 759—760.

⁴ См. С. В. Юшков. Указ. произв., стр. 517.

чивает вещь, а если у него не будет денег, то наказывается смертной казнью¹. Поскольку древнеславянское право, в том числе и более поздние источники, допускали свод до третьего лица², то в данном случае мы встречаемся именно с особенностью молдавского права, допускающего свод до четвертого лица, то есть до четвертого содыша.

Целая серия документов XVI—XVII вв. подтверждает именно подобное понимание и употребление понятия «содыш». В конце XVI века Петр и Гавриил — пыркалабы Орхейские — свидетельствуют, что «Рисул из Мэчзэуць тягал Пуркаря из Кивара перед судом из-за одной турецкой лошади с седлом, с которой он его поймал. Пуркар перед нами указал на Романа и присягал со всем селом Киваром, что он не виноват, выставив пред нами в качестве содыша Романа»³. Из другого документа узнаем, что Пуркар приобрел лошадь у Романа и последний присуждается к уплате⁴. Свидетельская запись игумена Галафтиона от 20 сентября 1632 года указывает, что монастырь продал Григорию Жоре заложную ранее монастырю же половину села Блишкэуць. Когда бывшие залогодатели земли подали на Григория в суд, «он поставил содышем монастырь в том, что купил у него (т. е. у монастыря. — П. С.) эту землю»⁵. Итак, в качестве «содыша» выступает и монастырь, если он продавец.

Большой интерес для подтверждения нашего взгляда на термин «содыш» представляет судная запись чашника Могылди, составленная в первой половине XVII века. Некий Мереуцы из Ясс с грамотой от господаря обвиняет в краже серебра племянника пыркалаба Стырчи, у которого была найдена серебряная ножна. Перед судом племянник «поставил содышем Стырчу, который был пыркалаб. Мы рассудили так, чтобы Стырча нашел себе содыша, у которого он приобрел ножну или быть в ответе, сколько серебра пропало у Мереуцы, сына Василия Калдэариула. Вследствие этого Стырча, увидя нужду, поставил себе содышами сыновей Миерлы из Линэешть»⁶. Последние признались в краже и уплатили все расходы. Перед нами пример свода до третьего лица, которое признает себя виновным; каждое из этих лиц именуется содышем.

Нам известно еще много документов XVI—XVII вв., утверждающих, что если у кого-либо обнаруживается похищенная вещь, скот или спорный участок благоприобретенной земли, последний должен предстать перед судом лицо, у которого он приобрел имущество и который именуется содышем⁷. Характерно при этом, что содыша необходимо было выставить во всех случаях, исключая тяжбы по сделкам, которые заключались на ярмарке по поводу движимого имущества. Как указывает письмо шолтуза и 12 пыргарей города Нямец, «когда покупается скот в торговый день, никто не требует содыша»⁸.

Таким образом, если термин «резеш» обозначал далеко не однородную социальную категорию участников долевого землевладения, но

¹ E. Hurmuzaki. Documente, vol. II, partea I (1451—1575). București, 1891, p. 142.

² С. В. Юшков. История государства и права СССР, ч. 1, М., 1961, стр. 128.

³ Arhivele Șt. Iași, Pachet, 212, doc. 137.

⁴ Там же, doc. 136.

⁵ Academia R.P.R. Copie la Institutul de istorie, sub dată.

⁶ N. Iorga. Constatări istorice cu privire la viața agrară a românilor. București, 1908, p. 83—84.

⁷ E. Hurmuzaki. Documente, vol. XV, partea 2, p. 786, 807, 1013.

⁸ Там же, стр. 753.

все же включал в себя большей частью крестьян — мелких землевладельцев, термин «содыш» вообще не имел ничего общего с наименованием какой-либо социальной категории, а являлся составной частью терминологии свода¹.

Однако если термин «резеш» не мог прийти на смену термину «содыш» в качестве наименования категории крестьян — мелких землевладельцев, то это не означает, что до появления в источниках последней четверти XVI века первого упоминания о резешах не существовало категории мелких землевладельцев крестьянского типа, владевших землей по долевному принципу. Существование такого разряда землевладельцев мы имели возможность доказать довольно подробно в вышеупомянутом докладе на Минском симпозиуме по аграрной истории Восточной Европы, состоявшемся в 1962 году.

Но несмотря на наличие такой категории сельского населения, молдавские источники XV — середины XVI вв. не знают еще специальной терминологии для ее обозначения. Современные румынские историки Д. Миок, Шт. Штефанеску и Х. Киркэ совершенно справедливо заметили, что вообще в молдавских источниках XV — середины XVI вв. не существует специальной терминологии и для обозначения категории зависимых крестьян, потерявших собственность на землю².

Терминология документов XV века отражает лишь отдельные стороны положения крестьян. Противопоставляя феодально-зависимых крестьян холопам, источники упоминают о лицах, живущих по волошскому или холопскому праву³. Когда в документах хотели обособить крестьян-тяглецов, живущих по волошскому праву (в том числе и мелких землевладельцев крестьян); от привилегированных сословий, то со второй половины XV века начали употреблять термин «земляне» (позже в документах на молдавском языке — царане)⁴. Такое положение в молдавской дипломатике связано с тем, что к XV веку консолидация господствующего класса феодалов не была еще полностью завершена, хотя и шла полным ходом. Землевладельцы еще не составляли во всех

¹ В то время, когда настоящая статья находилась в издательстве, вышла в свет монография румынского историка П. П. Панантеску, посвященная крестьянской общине Молдавии и Валахии (P. P. Panaitescu, Obștea țărănească în Țara Românească și Moldova, București, 1964).

Автор утверждает, что термин «содыш» имел в древних молдавских документах два смысла: резеша и гаранта, поручителя за долги (стр. 36). В качестве доказательства тождественности терминов содыш и резеш приводятся документы от 1502 и 1560 г., а для обоснования второго значения — торговые привилегии 1452 и 1458 г. Других более новых данных П. П. Панантеску не смог привести. Эти давно известные (еще И. Богдану) упоминания термина содыш рассматриваются подробно в нашей статье. Они также подтверждают выдвинутое нами объяснение термина содыш и опровергают возможность отождествления понятий содыш и резеш. Что же касается второго значения, о котором пишет П. П. Панантеску, то содыш мог, конечно, гарантировать тот факт, что отчуждаемое им имущество приобретено добросовестно и он являлся в момент продажи его законным собственником. Подтверждая законное владение имуществом в момент его отчуждения, содыш мог выступать и в роли гаранта (но не поручителя за долги), и в роли свидетеля на суде, и в роли ответчика, если спорное имущество окажется его недобросовестным приобретением. Но это лишь производные роли, в качестве которых мог выступать содыш.

² D. Miok, X. Chircă, Șt. Ștefănescu. L'evolution de la rente féodale en Valachie et en Moldavie du XIV-au XVII-siècle. Nouvelles études d'histoire. București, 1960, p. 222.

³ I. Bogdan. Op. cit., vol. I, București, 1913, p. 140; M. Costăchescu. Documente moldovenești înainte de Ștefan cel Mare, vol. II. Iași, 1932, p. 236.

⁴ I. Bogdan. Op. cit., vol. I, p. 230—231, 257.

отношениях консолидированного шляхетского сословия, огороженного замкнутыми юридическими барьерами. Сословная монополия на земельную собственность в Молдавии в правовом отношении окончательно еще не оформилась. В документах XV века встречаем мелких землевладельцев, сословное положение которых не определено. Источники не позволяют провести во всех случаях четкую грань между мелким вотчинником и верхушкой свободных крестьян — мелких землевладельцев. Поэтому искать точную терминологию, обозначающую крестьян — мелких землевладельцев, в источниках нет смысла. Ее отсутствие — явление далеко не случайное: оно представляет собой естественный результат незавершенности процесса правового оформления категорий сельского населения в Молдавии XV — середины XVI вв.

П. В. СОВЕТОВ.

КУ ПРИВИРЕ ЛА ДЕНУМИРЯ ЦЭРАНИЛОР-МИЧЬ
ПРОПРИЕТАРЬ ДЕ ПЭМЫНТ ЫН МОЛДОВА ДИН
ВЯКУЛ XV — МИЖЛОКУЛ ЧЕЛУЙ АЛ XVI

(ЧИНЕ СЫНТ СОДЫШИЙ?)

Резюме

Ын историографии с'а консолидат пэрепя, конформ кэрея цэраний либерь молдовень дин вякуриле XV—XVI се нумяу содышь. Ын реальности ачест термин репрезента о парте компонентэ дин терминология «сводулуй» (ун ануит фел де прочедурэ юридичиарэ). Де обичей, ын тимпул «сводулуй» омул, ла каре ера гэсит лукрул фурат (орь констатат ка атаре), ера облигат сэ доведяскэ модул прокурэрий ачестуя ши сэ се дезвиновэцяскэ, арэтынд ла чине ел л-а прокурат. Ын извоареле дин вякуриле XV—XVII ачестэ персоанэ се нумя содыш. Ауторул ажунже ла конклузия, кэ ын вякул XV — мижлокул челуй ал XVI документеле ну кончин ун термин специал пентру денумиря цэранилор — мичь проприетарь де пэмынт. Липса терминологией ну есте ун феномен ынтымплэтор, конституиунд ун резултат фиреск ал прочесулуй нетерминат ал оформэрий юридиче а категориилор локуиторимий рурале дин Молдова ын вякул XV — мижлокул челуй ал XVI.

Е. М. ПОДГРАДСКАЯ

РЕМЕСЛЕННЫЕ ИЗДЕЛИЯ ЛЬВОВА НА МОЛДАВСКОМ РЫНКЕ В XVI—XVII вв.

Несмотря на документально засвидетельствованное развитие ремесла, Молдавия в XVI—XVII вв.¹ все же продолжала оставаться аграрной страной, нуждавшейся в различных привозных ремесленных изделиях, которые и поставляли на молдавский рынок иноземные купцы, в частности из г. Львова и других западно-украинских городов, входящих в этот период в состав Речи Посполитой. Документы, с которыми мы ознакомились в Львовском архиве, свидетельствуют о том, что эта торговля носила систематический характер.

Главную роль в вывозе ремесленных товаров в Молдавию прочно удерживал за собой г. Львов — один из крупнейших торгово-ремесленных центров западно-украинских земель, начавший торговлю с Молдавией еще в середине XIV века. Согласно административному делению Речи Посполитой, Львов был главным городом Русского воеводства. О значении, которое для экономики средневекового Львова представляло ремесленное производство, говорит неуклонный рост специализации ремесла в рассматриваемое нами время. Если в начале XV века в городе было всего лишь девять ремесленных цехов, то в 1627 году их насчитывалось уже 33².

К середине XVII века здесь документально было зарегистрировано более 120 различных ремесел³. Так, например, ремесленники, изготовлявшие всевозможные металлоизделия, в середине XVII века были организованы в многочисленные цеха: цех кузнецов, объединенный цех слесарей, оружейников, часовщиков и перстеньеров, цех котельщиков, цех игольщиков и мастеров по производству ножей, цех мечников, цех бляшечников и цех литейщиков⁴. В отдельный цех объединились золотых дел мастера. Группу текстильщиков составляли ткачи, портные, шапошники и др. В отдельный цех объединились ткачи. Они производили продукцию из шерсти, льна, конопли, в основном местного производства, а также из сырья, привезенного из-за границы. К категории преуспевающих львовских цеховых организаций относился цех портных, которые шили одежду из дорогих и дешевых тканей⁵. Большим спро-

¹ Ștefan Olteanu. Meșteșugăria din Moldova în sec. XVII, Studii și materiale de Istorie medie, vol. III. Buc., 1959, pp. 100—219.

² С. Т. Білецький. Развитие ремесла і промислів у Львові в середині XVII ст. з історії західно-українських земель, т. II. Київ, 1957, стор. 4.

³ С. Т. Білецький. Указ промисл., стр. 3—4, 10, 15—16, 19—21.

⁴ Там же, стр. 15—16.

⁵ Там же, стр. 12.

сом в стране и за границей пользовалась продукция львовских шапошников¹. Весьма развитым было кожевенное дело, объединявшее скорняков, дубильщиков, сапожников, поясников, меховщиков, сидельников и т. д.

Значительное разделение труда отмечается в деревообделочном ремесле, представленном такими специалистами, как столяры, плотники, колесники, каретники, бондари и т. д. В пищевой промышленности большую роль играло производство соленой и копченой рыбы из сырья, привозимого сюда из Украины, Молдавии и Гданска. В группу пищевой промышленности входили также цехи мясников, пекарей, объединенный цех солодовников и пивомедоваров и др.² Мастерство ремесленников передавалось из поколения в поколение и достигло высокого уровня.

По некоторым видам ремесла, славившимся высоким качеством своих изделий, Львов играл роль основного центра для всего Польского государства. Так, например, звание мастера по возделыванию мечей на территории Польши получали только те ремесленники, которые учились во Львове или в Кракове. Особенно славился Львов производством ювелирных изделий. В этом отношении он задавал тон не только в Польше, но и в Молдавии, Валахии и других странах. Львовские мастера зачастую выезжали за границу для выполнения особо важных заказов и брали на себя обязательство работать там по нескольку лет³. Продукция львовских литейщиков, изготовлявших колокола и пушки, была известна по всей Речи Посполитой и за границей⁴. Естественно, что при столь разветвленной сети и специализации ремесленных предприятий роль Львова в промышленном развитии края была велика⁵.

Бурный рост ремесленного производства и высокое качество изделий львовских мастеров привели к тому, что спрос на эти товары не ограничивался одним лишь городским рынком и его округой. Издавна львовские торговцы и ремесленники поставляли промышленную продукцию на рынки различных городов Речи Посполитой, выезжали со своими товарами и в зарубежные страны.

Одним из самых древних для Львова зарубежных рынков была соседняя Молдавия; с которой львовских горожан связывали давние торговые отношения. Молдавия была не только поставщиком сельскохозяйственной продукции и некоторых видов ремесленных изделий, но и, что не менее важно, постоянным потребителем львовских ремесленных изделий.

В ходе дальнейшего общественного разделения труда торговые взаимоотношения Молдавии со Львовом, основанные на взаимовыгодном обмене большой массы сельскохозяйственной продукции на ремесленную, укреплялись и расширялись, о чем, в частности, свидетельствует и растущий контингент львовских товаров, реализуемых на молдавском рынке. Из Львова и других украинских городов в Молдавию поступали различные товары ремесленного производства, в первую очередь металл и металлические изделия. Так, в 1511 году молдавский господарь Богдан просил разрешения беспошлинно вывозить из Львова свинец⁶.

¹ М. Грушевский. История Украины—Руси, т. VI. Киев—Львов, 1907, стр. 133.

² С. Т. Білецький. Указ произв., стр. 3, 13, 19—21.

³ Нариси історії Львова. Львів, 1956, стр. 32, 35.

⁴ С. Т. Білецький. Указ произв., стр. 17.

⁵ Там же, стр. 4.

⁶ Zrodla dziejowe, t. X. Sprawy woloskie za Jagiellonow, akty i fisty. Warszawa, 1878, s. 97.

В 1554 году молдавскому господарю Александру Лапушняну было разрешено без уплаты пошлины вывезти десять, а если нужно и больше центнеров меди и свинца для сооружаемого им дворца. В связи с этим, согласно королевскому указу, всем таможенникам и сборщикам податей, охранникам мостов и другим лицам, имеющим какое-либо отношение к сбору пошлин, предписывалось не чинить никаких препятствий свободному провозу свинца и меди в Молдавию¹. В 1557 году было выдано соответствующее разрешение на закупку во Львове или в других местах Речи Посполитой и беспошлинный вывоз 25 тысяч листов кровельного железа, необходимого для строительства Слатинского монастыря².

Молдавские господа неоднократно закупали во Львове сплав для литья колоколов или же заказывали их у львовских мастеров. Так, 26 августа 1558 года молдавский господарь Александр Лапушняну уведомляет львовских граждан, что им получено разрешение польского короля на беспошлинный вывоз ста кантар спижи (металлического сплава) для литья колоколов, и просит их закупить необходимый товар, обязуясь немедленно покрыть все связанные с этим расходы³. 27 декабря он пишет львовским гражданам, чтобы они сообщили ему, как обстоит дело с заказанными им же двумя колоколами⁴.

Следует отметить, что металл вывозится из Львова не только для нужд господарского двора и по его заказам, но и для удовлетворения спроса более широких слоев населения Молдавии. Так, в 1559 году львовский купец Михаил Ханел закупил во Львове 12 подвод железа, которое затем распродал в Хотине⁵. В 1570 году железо из Львова вывозил некий сучавский купец⁶. В других документах упоминаются сучавские армяне, привозившие в Молдавию для продажи железо из Львова⁷.

Кроме железа, свинца и сплава для литья колоколов из западно-украинских городов разрешалось вывозить в Молдавию и ценные металлы⁸. 29 мая 1546 года король Сигизмунд I издал указ, согласно которому в Молдавию было разрешено провозить ценные металлы⁹. В 1598 году королевские власти поручили Петру Ольшевскому собирать таможенный сбор от купцов, везущих золото и серебро в Молдавию, Валахию или Турцию. Сумма указанного таможенного сбора должна была использоваться для финансирования строительства Снятинского замка¹⁰.

Определенное значение для удовлетворения растущих потребностей широких масс трудящихся имел привоз из Русского воеводства метал-

¹ ЦГИА УССР, г. Львов. Акты городского совета, ф. 52, оп. 3, кн. 14, лл. 860—861.

² Там же.

³ Юбилейное издание в память 300-летнего основания львовского ставропигийского братства. Львов, 1886, т. I, док. № 12. Кантара — 96 фунтов. См. Я. Д. Исачевич. Деякі питання української метрології XVI—XVIII ст. Науково—інф. бюлетень арх. упр. УССР, № 2/46. 1961, стор. 12.

⁴ Там же, док. № 13.

⁵ ЦГИА УССР, г. Львов. Акты городского суда, ф. 52, оп. 3, кн. 240, л. 400—401. 1928.

⁶ Там же.

⁷ ЦГИА УССР, г. Львов. Акты городского совета, ф. 52, оп. 3, кн. 326, л. 666—667.

⁸ Там же. Книги городские львовские, ф. 9, кн. 326, л. 666—667.

⁹ Там же. Акты городского совета, ф. 52, оп. 3, кн. 352, л. 586.

¹⁰ Там же.

лических изделий и орудий труда, как-то: кос, ножей, гвоздей. Так, в 1625 году Константин Лападати из Ясс закупил в Ярославле у Соломона Хротых «на тысячу золотых кос, ... с которыми отправился в Молдавию»¹. В 1960 году Исак Лазарович из Львова доставил согласно контракту «3 фассы кос Гаргашу, армянину из Ясс»². В 1670 и 1672 году сучавские купцы продолжали привозить косы из того же Львова³.

Хорошей славой пользовались в Молдавию и привозимые из украинских городов ножи, главным образом стрыйские. Так, в 1567 году Константин Корнякт, таможенник и крупный молдавский купец, взял в Снятине у львовского купца Ханела для продажи в Молдавию на 300 талеров ножей⁴. В 1580 году некий грек из Сучавы привез из Львова стрыйские ножи⁵. В том же году оттуда же вез ножи другой сучавский купец⁶. В 1584 году львовский купец Антони Катакаро поручил некоему Томасу отдать партию ножей за 170 золотых Иосифу Поповичу, армянину из Сучавы, находившемуся в это время в Снятине⁷. В 1617 году в Молдавию продавал крупную партию ножей (в несколько сот штук) львовский купец Ян Сахнович⁸. В 1580 году сучавские купцы вывозили из Львова гвозди и другие товары⁹. Можно предположить, что среди товаров, которые в таможенных реестрах неспецифицированы по их роду, а только по количеству, могли быть и мелкие металлические изделия (гвозди и др.)¹⁰.

Кроме металлических изделий, из Львова в Молдавию в большом количестве поступали различные ткани. В богатом ассортименте привозимых тканей были материалы местного и иностранного производства (сукна, шелка и др.), предназначавшиеся для удовлетворения спроса представителей господствующего класса. Так, в 1511 году молдавский господарь Богдан просил разрешения беспощинно вывезти из Львова партию сукна¹¹.

В 1554 году молдавский господарь Александр Лапушняну выступил в защиту интересов яского купца Филиппа, которому грек Михаил из Львова был должен 20800 аспров и обязался половину долга покрыть путем поставки ему соответствующего количества красного и черного шелка, однако обязательства своего не выполнил¹². Приведенный документ свидетельствует, между прочим, о наличии в Молдавии оптовой закупки тканей. В 1569 году Петр Вашкович из Луцка обязался доставить Асвадору из Ботошан «гданское сукно на сумму в 700 червонных золотых»¹³. В 1593 году в Молдавию и «Мултянской земле» торговлю шелком и сукном вел львовский купец Ян Теофил¹⁴.

¹ ЦГИА УССР, г. Львов. Акты войтовского суда, ф. 52, оп. 3, кн. 396, л. 1553.

² Там же, кн. 402, л. 1998—2000; 4,5 фасс — 60 штук, следовательно, одна фасса равна 13—14 штукам. R. Rybarski. Op. cit., t. II, p. 259.

³ R. Rybarski. Op. cit., t. II, p. 257—259.

⁴ ЦГИА УССР, г. Львов, ф. 52, оп. 3. Акты городского суда, кн. 242, л. 1584—1586.

⁵ R. Rybarski. Op. cit., t. II, p. 259.

⁶ Там же.

⁷ ЦГИА УССР, г. Львов. Акты городского суда, ф. 52, оп. 3, кн. 246, л. 1086.

⁸ Там же. Акты войтовского суда, кн. 394, л. 419—421.

⁹ R. Rybarski. Op. cit., II, p. 259.

¹⁰ Там же, p. 259.

¹¹ Zrodla dziejowe, t. X, s. 97.

¹² ЦГИА УССР, г. Львов. Акты городского суда, ф. 52, оп. 3, кн. 238, л. 437—438.

¹³ Там же, Акты войтовского суда, № 52, оп. 3, кн. 380, л. 108—110.

¹⁴ Там же. Акты армянского суда, ф. 52, оп. 3, кн. 515, л. 747—749.

Львовские ткани поступали на молдавский рынок не только благодаря тамошним купцам. Документально засвидетельствовано, что и молдавские купцы отправлялись специально во Львов для закупки там текстильных товаров и последующей их реализации в Молдавии. Так, в частности, в 1553 году поступили серетские купцы, которые везли из Львова большую партию полотна¹.

Вывоз различных тканей в Молдавию в неменьших масштабах продолжался и в XVII веке. Так, в 1607 году львовский купец Стецко Грегорович в Серет вез несколько бел сукна². В 1609 году молдавскому таможеннику уплатил пошлину львовский купец Баптиста, привезший в Молдавию 630 штук полотна³. Торговлей полотном, сукном и другими тканями в Молдавию занимался львовский купец Шембек. В 1610 году он доставил в Молдавию для продажи 135 локтей полотна⁴. Львовский купец Стецко Грегорович обязался в 1617 году в счет долга в 100 червонных золотых доставить яскому купцу Даниелу Голубовичу сукна из Снятина⁵. В том же году другой львовский купец, армянин Семен Киевнорвич, направил в Молдавию своего торгового представителя, который должен был там реализовать разные ткани и выполнить другие связанные с торговлей поручения⁶.

В 1621 году группа львовских купцов везла в Молдавию сукна, реализация которых должна была дать им необходимые средства для последующей закупки молдавского сафьяна⁷. Крупную торговлю сукном в этом же году вел в Молдавию львовский купец Андрей Стрелецкий, закупивший здесь сафьян⁸. В 1630 году в Яссы везли продавать сукна купцы из Каменца⁹. В 1633 году Стефан Адамович, купец из Замостья, подал жалобу на Гieronима Брыника, с которым он вел совместную торговлю сукном в Молдавию и Валахии¹⁰. В 1673 году львовский купец Александр Балабан отправил в Молдавию для продажи «40 поставов английского сукна»¹¹.

Дорогими тканями, привозимыми из Львова, торговали в XVI—XVII вв. и молдавские таможенники, являвшиеся одновременно и крупными купцами. Так, в 1500 году армянин Балтазар из Львова должен был привезти «в Сучаву таможеннику Дуке» 11 поставов сукна¹². В 1583 году львовский купец Станислав Шольц обязался в счет долга доставить «молдавскому таможеннику Никорию» различные товары, в том числе и ткани¹³. Из одного документа, относящегося к 1614 году, явствует, что молдавский таможенник Кондым Вранаш заключил с Андреем Торошовичем из Львова контракт, по которому А. Торошович должен поставить ему 280 поставов ткани — каразин¹⁴.

¹ R. Rybarski. Op. cit., t. II, p. 253.

² ЦГИА УССР, г. Львов. Акты городского суда, ф. 52, оп. 3, кн. 255, л. 1103—1107. Бела сукна — 25 поставов, постав сукна — 20—50 локтей, чаще всего 30—36 локтей, локоть львовский 73,2 см. См. Я. Д. Исаевич. Указ. соч., стр. 10.

³ ЦГИА УССР, г. Львов. Акты городского суда, ф. 52, оп. 3, кн. 255, л. 1383; Штука полотна чаще всего равна 48 локтям. См. Я. Д. Исаевич. Указ. соч., стр. 10.

⁴ Там же, ф. 52, оп. 3, кн. 256, л. 368.

⁵ Там же. Акты армянского суда, кн. 521, л. 618—621.

⁶ Там же, л. 1143—1144.

⁷ Там же. Акты городского совета, кн. 36, л. 141.

⁸ Там же, л. 122—145.

⁹ ЦГИА УССР, г. Киев, ф. 39, оп. 1, ед. хр. 33, л. 5.

¹⁰ Там же. Акты войтовского суда, ф. 52, оп. 3, кн. 398, л. 1988.

¹¹ ЦГИА УССР, г. Киев. Акты войтовского суда, кн. 408, л. 624.

¹² N. Iorga. Relațiile comerciale ale Terilor noastre cu Lembergul, partea I. București, 1900, p. 27.

¹³ ЦГИА УССР, г. Львов. Акты городского Совета, ф. 52, оп. 3, кн. 18, л. 1020—21.

¹⁴ ЦГИА УССР, г. Львов. Акты войтовского суда, ф. 52, оп. 3, кн. 393, л. 328—329.

Для нужд двора и армии молдавские господа закупали в огромном количестве ткани, привезенные из западно-украинских городов. Так, в 1511 году господарь Богдан IV просил соответствующее разрешение на беспощинный ввоз сукна из Львова¹. В 1564 году Штефан Томшавоевода выдал львовскому купцу Станиславу Долинскому долговое обязательство на 14700 аспров; на эту сумму господарь приобрел у указанного купца 164 локтя ткани-аксамита². В 1611 году (по желанию господаря) молдавский таможенник Зани заключил договор с львовским купцом Напсталиком о доставке им 343 поставов разного рода тканей³.

Все эти факты свидетельствуют о том, что для нужд двора, армии и феодалов из Львова поступали в больших масштабах различные дорогие ткани, к закупке которых прибегал господствующий класс, так как в Молдавии они не производились. Конечно, не все привозимые из Львова ткани были местного производства. Широкие торговые связи, издавна существовавшие между Львовом и крупными текстильными центрами Западной Европы и Востока, позволяли львовским купцам поставлять на молдавский рынок пользовавшиеся известностью изделия текстильной промышленности других стран. Но поставкой дорогих тканей на молдавский рынок отнюдь не ограничивалась деятельность львовских купцов, торговавших текстильными изделиями.

Для удовлетворения потребностей широких трудящихся масс Молдавии предназначались более простые ткани: «сырое», «простое» и «грубое» полотно. Так, в 1530 году Петрус — волох из Ботошан — судился с некоей Зиной из Луцка, у которой он закупил 80 метров «сырого» полотна⁴ и поставку которого она задерживала. В 1578 году один сучавский армянин вывез из Львова «грубое полотно»⁵. В 1580 году яссские купцы вывозили и «простое полотно»⁶.

В XVI веке из Львова в Молдавию в большом количестве вывозились шапки и кайма. В 1553 году группа купцов из Серета закупила во Львове большую партию шапок. Один из них, некий волох Петрашку, закупил среди прочего 170 шапок⁷. В 1557 году львовский мастер-шапошник обязывался доставить Михаилу Корнякту 3000 шапок собственного производства взамен на 10 куфф мальвазин⁸. В 1559 году Михаил Ханел из Львова вывез в Молдавию один раз 6 фас, а во второй раз 800 шапок⁹. В 1580 году в актах львовской таможни отмечен вывоз 4,5 фас шапок в Сучаву¹⁰. В том же году некий купец из Ясс привез из Львова 300 штук каймы¹¹. Еврейские купцы из Львова, ездившие торговать в Молдавию, также ввозили сюда в XVI веке шапки и кайму¹².

¹ Zrodla dziejowe, t. X, s. 97.

² ЦГИА УССР, г. Львов. Акты городского суда, кн. 241, л. 1067.

³ Там же. Акты войтовского суда, ф. 52, оп. 3, кн. 392, л. 998—999.

⁴ ЦГИА УССР, г. Львов. Акты городского суда, ф. 52, оп. 3, кн. 233, л. 101.

⁵ R. Rybarski. Op. cit., t. II, p. 259.

⁶ Там же, стр. 257.

⁷ ЦГИА УССР, г. Львов. Акты городского суда, ф. 52, оп. 3, кн. 240, л. 200—201.

⁸ W. Lozinski. Patrycyat i mieszczaństwo Lwowskie w. XV i XVII wieku, Lwow, 1890, s. 45.

⁹ Там же.

¹⁰ R. Rybarski. Op. cit., II, p. 259.

¹¹ Там же, стр. 257.

¹² Ignacy Schiper. Dzieje handlu żydowskiego na ziemiach polskich, Warszawa, 1937, s. 16.

Львовские портные изготавливали одежду для некоторых представителей молдавской знати. Так, в 1624 году львовский купец Габриел Лангиш послал в Каменец-Подольск своего представителя, который должен был вручить находившемуся там молдавскому господарю различные предметы одежды, заказанной им во Львове. Иготовленный заказ господарь принял¹.

Встречаются некоторые документальные данные о вывозе из Львова в Молдавию поясов. Так, в 1609 году львовский купец Станислав Стрелецкий поручил некоему Штефану продать в Молдавию тридцать мужских поясов по семь золотых за штуку (видимо с дорогими украшениями, поскольку их цена была высокой. — Е. П.)².

В XVI—XVII вв. львовские купцы широко торговали на зарубежных рынках и пушниной, которая закупалась ими в основном у русских купцов, доставлявших во Львов меха соболей, куниц, белок, чернобурых лисиц и др.³. Большую часть этих мехов, главным образом соболей, львовские купцы привозили в свою очередь в Молдавию, где их приобретали молдавские господа и другие знатные люди. Так, в 1564 году господарь Молдавии Штефан Томша выдал за два сорока соболей долговую запись львовскому купцу Станиславу Долинскому на 250 венгерских золотых⁴. В 1618 году львовский купец, армянин Бапсока, торговал в Молдавии мехами соболей⁵. В 1622 году львовскому купцу Иоаннису Теофилу молдавский господарь задолжал 1666,5 червонных золотых за меха соболей⁶. В 1623 году засвидетельствована продажа здесь соболей купцами из Замостья⁷.

В отдельных случаях в Молдавию поступали также изделия львовских бондарей. Так, в 1542 году армяне из Ботошан закупили во Львове ведра с двумя дужками⁸, где еще в 1538 году сучавские армяне приобрели кадушки⁹.

В архивных материалах отмечен привоз в Молдавию стеклянных и фарфоровых изделий. Так, в 1580 году один сучавский купец вез из Львова фасу стеклянных песочных часов¹⁰. В 1622 году ясский грек Яни заключил с неким Фурманом контракт о доставке ему из Львова «фарфора, которого закупил на несколько тысяч»¹¹.

В XVI—XVII вв. г. Львов славился предметами ювелирного искусства. Изделия львовских ювелиров пользовались широкой известностью не только в самой Речи Посполитой, но и далеко за ее пределами¹².

Крупные молдавские феодалы приобретали во Львове ювелирные изделия, драгоценные камни, посуду и другие предметы, изготавлива-

¹ ЦГИА УССР, г. Львов. Акты городского совета, ф. 52, оп. 3, кн. 39, л. 612—615.

² Там же. Акты городского суда, ф. 52, оп. 3, кн. 255, л. 2158—2161.

³ Ф. П. Шевченко. Політичні та економічні зв'язки України з Росією в середині XVII ст. Київ, 1959, стор. 422—424.

⁴ ЦГИА УССР, г. Львов. Акты городского суда, ф. 52, оп. 3, кн. 241, л. 1067.

⁵ Там же, кн. 259, л. 1174.

⁶ Там же, Акты городского совета, кн. 37, л. 31—45.

⁷ Там же. Акты войтовского суда, кн. 396, л. 981—982.

⁸ N. Iorga. Studii și documente, v. XXIII, p. 136, dok. CXLVI.

⁹ R. Rybarski. Op. cit., t. II, p. 255.

¹⁰ Idem, ibidem, II, p. 259.

¹¹ ЦГИА УССР, г. Львов. Акты войтовского суда, ф. 52, оп. 3, кн. 395, л. 1382—1383. В документе не отмечено, на какие деньги закупали товар. Можно лишь предположить, что речь идет о польских золотых.

¹² W. Lozinski. Żłotnictwo Lwowskie w dawnych wiekach w Lwowie. Lwow, 1889.

шлись искусными львовскими золотых дел мастерами. В 1564 году львовский купец Зибалт представил в суд долговое обязательство, выданное ему в Сучаве 7 января 1564 года молдавским господарем Александром Лапушняну о том, что он должен купцу 3079 червонных злотых за жемчуг и другие ювелирные товары¹. В 1567 году львовский купец Симон Ханел взял у некоего краковского купца драгоценности с тем, чтобы реализовать их в Молдавии и Турции и на эти деньги приобрести быков и мальвазию². В 1569 году у того же Симона Ханела закупил сапфиры крупный молдавский купец-таможенник Константин Корнякт и остался ему должен 350 талеров³. В 1582 году львовский купец Ян Бласер отправился в Сучаву, где продал молдавскому господарю ювелирные изделия, украшенные смарагдами и жемчугом, и другие драгоценности на 500 талеров. На вырученную сумму он приобрел у господара быков⁴. В том же году львовский ювелир Роттендорф обязался изготовить молдавскому господарю серебряный сервиз весом в 480 гривен, состоящий из 12 блюд, 12 тарелок, 12 ложек, ножей и вилок, четырех подсвечников, двух солонок, двух перочниц, двух нагарных щипцов, шести сосудов (очевидно для вина) и двух сундуков или шкафа, кованного серебром, для хранения указанных предметов⁵. Это не единственный документально засвидетельствованный факт заказа молдавскими потребителями ювелирных изделий во Львове. В другом документе упоминаются кубки, заказанные каким-то волошанином⁶. В 1593 году группа львовских ювелиров вручила львовскому купцу Давиду Серепковичу, выезжавшему по торговым делам в Молдавию, два больших и два малых кубка, один серебряный половник, несколько серебряных бутылок, одну позолоченную бутылку и другие предметы. Речь шла о большом количестве ювелирных изделий, о чем свидетельствует тот факт, что львовские ювелиры в результате невыполнения Серепковичем ряда договорных обязательств потерпели ущерб на сумму в 10 000 талеров⁷.

Продажа львовских ювелирных изделий производилась не только в порядке ранее полученных заказов. Так, известный уже Давид Серепкович, часто посещавший в конце XVI века Молдавию по поручению львовского купца Мурата и проводивший там широкие торговые операции по продаже львовских товаров и закупке молдавских, торговал также и ювелирными изделиями. В одну из своих поездок в 1594 году он привез в Молдавию жемчуг и серебряные кубки⁸. В 1597 году, по поручению упоминаемого ранее львовского купца Норбега Мурата, он реализует в Молдавии разного рода ювелирные изделия из серебра на сумму 1140 талеров⁹. Приведенные данные свидетельствуют о значительном спросе, которым пользовались среди господствующего класса Молдавии ювелирные изделия из Львова. Речь идет не об отдельных зака-

¹ ЦГИА УССР, г. Львов. Акты городского суда, ф. 52, оп. 3, кн. 241, л. 1068, 1564 г.

² W. Lozinski. Op. cit., s. 42.

³ ЦГИА УССР, г. Львов. Акты гор. суда, ф. 52, оп. 3, кн. 242, л. 1595.

⁴ W. Lozinski. Op. cit., s. 43.

⁵ ЦГИА УССР, г. Львов. Акты гор. совета, ф. 52, оп. 3, кн. 14, л. 860—861.

⁶ W. Lozinski. Op. cit., s. 57.

⁷ ЦГИА УССР, г. Львов. Акты армянского суда, ф. 52, оп. 3, кн. 516, л. 278—281.

⁸ Там же, кн. 515, л. 823—831.

⁹ Там же, кн. 516, л. 413—415.

зах, а о поставке в Молдавию драгоценностей в большом количестве и на внушительные суммы.

Из Львова в Молдавию ввозилась также бумага. В 1580 году отмечен вывоз бумаги из Львова сучавскими купцами¹. В 1605 году молдавский господарь Еремия Могила просит львовское ставропигийское братство оказать содействие его дьяку, прибывшему из Сучав по разным делам, в том числе и для закупки бумаги².

Все приведенные нами документы свидетельствуют о том, что купцы из Львова систематически привозили в Молдавию различные ремесленные товары на большие суммы денег. Контингент поставляемых сюда товаров значительно расширился по сравнению с XV веком. В первом привилее, данном львовским купцам молдавским господарем Александром Добрым в 1408 году, упомянуты товары, привозимые в Молдавию из Львова: сукно, шапки, одежда, оружие³. Последующие привилеи молдавских господарей XV века дополнительно отмечают еще сельскохозяйственные орудия (серпы и плужное железо), литовское и кросенское полотно и различную посуду⁴. Некоторые из товаров, перечисленных в привилеях XV века, не упоминаются в документах XVI—XVII вв., касающихся ввоза в Молдавию изделий из Львова. Нами пока не обнаружены документы о ввозе в XVI—XVII вв. из Львова в Молдавию одежды, оружия, плужного железа, посуды. Отсутствие в документах упоминания, например, о плужном железе можно объяснить только тем, что соответствующая отрасль металлургии обеспечивала потребности страны⁵. Несмотря на то, что нами не обнаружены документы о ввозе из Львова в Молдавию некоторых товаров, поступавших на молдавские рынки в XV веке, в целом в XVI—XVII вв. контингент привозимых в Молдавию ремесленных изделий значительно расширился за счет ввоза металлов: меди, свинца, кровельного железа, сплава для колоколов и драгоценных металлов.

Расширяется и ассортимент привозимых львовскими купцами тканей. Совершенно новым явлением можно считать привоз различных видов простого полотна, предназначавшегося для более широких слоев населения; это свидетельствует о том, что процесс развития товарно-денежных отношений в Молдавии расширялся и удовлетворение потребностей все больше осуществлялось путем рыночных закупок. Вместо одежды, ранее привозимой из Львова, в Молдавию стали ввозить разного рода простые ткани.

Расширение контингента привозимых из Львова ремесленных изделий в XVI—XVII вв. объясняется тем, что они рассчитывались на удовлетворение потребностей не только феодалов, но и социальных низов. Если для первых предназначались дорогие сукна, ювелирные изделия и различные предметы роскоши, то для удовлетворения запросов более широких слоев населения Молдавии поступали различные ремесленные товары первой необходимости: простые ткани, косы, ножи и др.

Анализ документов показывает, что товарообмен между Молдавией и указанными украинскими городами осуществлялся главным обра-

¹ R. Rybarski. Op. cit., t. II, p. 259.

² Юбилейное издание в память 300-летнего основания львовского ставропигийского братства, док. XLIX.

³ M. Costăchescu. Documentele moldovenesti înainte de Ștefan cel Mare, Iași, 1932, vol. II, p. 177—178.

⁴ M. Costăchescu. Op. cit., p. 789—790; I. Bogdan. Documentele lui Ștefan cel Mare, București, 1918, vol. II, p. 273—274.

⁵ О развитии металлургии см. Șt. Olteanu. Op. cit., p. 104—119.

зом львовскими и в значительно меньшей мере молдавскими купцами. Видимо, наличие турецкого ига в Молдавии сказывалось и в этом. У нас не имеется по этому вопросу фактических данных, можно лишь предположить, что турецкое правительство, очевидно, не только издавало фирманы с требованием направлять основную молдавскую продукцию в Константинополь, но и тормозило выезд молдавских купцов по торговым делам за границу.

К концу XVII века уже реже встречаются документы, свидетельствующие о большом вывозе в Молдавию разного рода ремесленных изделий из Львова и других украинских городов. Объясняется это экономическим упадком украинских городов Речи Посполитой. Фактически же упадок самого крупного города, центра русского воеводства, Львова начался уже в первом десятилетии XVII века. Этому содействовала грабительская политика польских магнатов и шляхты, направленная на подрыв экономики города, сокращение покупательной способности сельского населения в результате усиления феодальной эксплуатации, произвол шляхты, частые войны первых лет XVII века. Все эти причины, вместе взятые, привели к экономическому упадку города и, естественно, к сокращению его внешней торговли. В 20—30 гг. XVII века Львов переживал еще период некоторого подъема, но после войн 40—60 гг. XVII века его снова охватил кризис, приведший город в упадок¹. Такая же картина наблюдалась и в остальных городах восточных воеводств Речи Посполитой². Все это не могло не сказаться пагубно и на торговле Львова с Молдавией. Масса ремесленных изделий, ранее регулярно направлявшихся в Молдавию, значительно сокращается в конце XVII века. Ослаблению экономических связей Молдавии с Львовом способствовало также понижение спроса на львовские товары на самом молдавском рынке, причиной чему являлся отмечавшийся в этот же период упадок экономики и самой Молдавии.

Е. М. ПОДГРАДСКАЯ

МЭРФУРИЛЕ МЕШТЕШУГЭРЕШТЬ АЛЕ ЛВОВУЛУИ ПЕ ПЯЦА МОЛДОВЕНЯСКЭ ЫН СЕКОЛЕЛЕ XVI—XVII

Резумат

Ын артикол есте оглиндит унул дин аспектеле пущин студияте але релациилор економиче молдо-лвовене — импортул продукцией мештешугэрешть а Лвовулуй пе пяца молдовеняскэ ын секолеле XVI—XVII. Пе база материалулуй документар инедит, каре се пэстрязэ ын архива дин Лвов, ауторул презентэ контингентулу артиколелор индустриале, каре

¹ Нариси Истории Львова, стор. 45—46.

² История Польши, т. I, стр. 209—213. Об упадке польских городов в XVII в. см. Я. Кутковский. Экономическая история Польши, М., 1953, стр. 265—266.

ын кантитэць мереу крескынде ерау експортате ын Молдова дин ачест маре чентру мештешугэреск.

Ын компарацие ку секолул XV, ын Молдова дин секолеле XVI—XVII ну нумай кэ се адучяу май мулте мэрфурь индустриале лвовене, дар ши асортиментул лор ера ку мулт май ларг.

Артиколеле индустриале дин Лвов сатисфэчяу атыт черинцеле выр-фурилор кондукэтоаре але феудалимий молдовенешть, кыт ши але маселор ларжь де оамень ай мунчий.

Дупэ кум реесе дин материалул документар, студият де аутор, ын а доуа жумэтате а секолулуй XVII волумул експортулуй лвовян ын Молдова скаде, чея че есте о урмаре а декэдерий економиче атыт а Лвовулуй, кыт ши а Статулуй Молдовенеск феудал.

И. А. АНЦУПОВ

ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИЙ ОТХОД В СЕЛЕНИЯХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ КРЕСТЬЯН БЕССАРАБИИ

(30—60-е гг. XIX в.)

Начиная с 30-х гг. в бессарабской казенной деревне создались условия для роста земледельческого отхода: усиливавшаяся дифференциация крестьянства, сокращение наделов, неуклонное увеличение налогов и натуральных повинностей, возрастающий спрос на рабочую силу по мере роста интенсивности хозяйств у помещиков, однодворцев, зажиточной верхушки государственных крестьян, казаков и колонистов, развитие предпринимательского купеческого животноводства и земледелия. Малоземельные и разорившиеся крестьяне, лишённые возможности обеспечить себе прожиточный минимум и вести хозяйство, вынуждены были работать по найму, жить, в основном, на подённые и сезонные заработки¹.

По данным палаты государственных имуществ, в 1853 году среди крестьян числилось «бездомных» 2097 мужчин, не имеющих земли и домов, совсем не занимавшихся хлебопашеством и живших от заработков по найму и промыслов². Кроме них, особенно часто, а иногда и систематически, к продаже своей рабочей силы прибегали крестьяне-бедняки, у которых все имущество состояло из глинобитной избы, небольшого клочка земли, нескольких голов скота и которые не могли платить налоги и даже прокормить свои семьи. Это — «наемные рабочие с наделом», экономическое и классовое положение которых глубоко проанализировано В. И. Лениным³.

Основной контингент сельских рабочих притягивал юг области, где помещики, купцы, часть казаков, колонистов и государственных крестьян вели крупные товарные скотоводческие, зерновые и садово-виноградные хозяйства и спрос на рабочих был постоянным⁴. Часть крестьян — «беднейшие из крестьян», как подчеркивается в документах, уходила за пределы области в Херсонскую, Подольскую и даже Екатеринославскую губернии на заготовку сена и полевые работы⁵, часть нанималась в ближайших помещичьих имениях⁶.

¹ ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 4151, л. 6.² ЦГИА СССР, ф. 383, д. 17903, л. 21.³ В. И. Ленин. Сочинения, т. 3, стр. 145.⁴ ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 7358, л. 3—4; ф. 3, оп. 2, д. 1020, л. 26; ЦГИА СССР, ф. 393, д. 5923, л. 30.⁵ ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 20, л. 73—74; ЦГВИА, ВУА, коллекция 414, д. 182.⁶ ЦГА МССР, ф. 122, оп. 1, д. 384, л. 16, 21, 25, 31.

Среди государственных крестьян (особенно Хотинского округа) был распространен уход «на фальчи» — на косовицу сена, обработку полей, молотьбу и т. п.; таких рабочих называли «фалькарями». Они подражались на работу с оплатой от участка (фальчи).

Потребность в наемной силе на юге области была постоянной и увеличивалась в весенне-летние месяцы, так как у землевладельцев не было царан¹. Чтобы представить себе размеры этой потребности, обратимся к некоторым фактическим данным об имениях южных помещиков. Так, например, в имении графини Эдлинг, находившемся в Бендерском уезде (Манзырь), на площади в 16 тыс. дес. собственной и 20 тыс. дес. арендованной земли выпасалось в 30-х гг. 22 тыс., а в 1843 году свыше 40 тыс. меринсов, для которых заготавливалось по 260 и более тыс. пудов сена; настриг шерсти составлял 6,5 тыс. пудов. Кроме того, содержалось огромное стадо рогатого скота, 250 лошадей, производился посев на 500—700 дес. (в том числе 180 дес. льна), имелись четыре мельницы, винокурный и кирпичный «заводы», виноградники и сады на 72 дес., пасеки и пр. В имении применялся исключительно вольнонаемный труд; только годовых работников и чабанов держали до 300 человек и по несколько сот нанималось на сенокосы, стрижку овец, молотьбу хлебов, обработку виноградников, для работы на «заводах» и в других местах; в их числе были и государственные крестьяне окрестных селений и Хотинского округа².

Подобные крупные овцеводческие хозяйства на юге области были в имениях Бендендорфа, Нессельроде, Марини, Гамалея, Суцио, Штенгольда, Понсет, Витгенштейна, Маразли и др. Они владели огромными массивами степных лугов, привлекавших ежегодно сотни косцов. По сведениям за 1847 год под сенокосами у Бенкендорфа находилось 15 тыс. дес., Нессельроде — 8628 дес. и т. д. Только в Аккерманском и Бендерском уездах в помещичьих и купеческих имениях имелось до 100 тыс. дес. сенокосных угодий, которые выкашивались главным образом наемными работниками. С этой целью в некоторых имениях выстраивались специальные «казармы», где пришлые сезонные рабочие из отдаленных мест жили в летние месяцы³.

Государственные крестьяне нанимались не только для уборки сена, но и для стрижки овец и в качестве пастухов и табунщиков⁴.

Распространенным был уход государственных крестьян в колонии для пастьбы овец, лошадей и рогатого скота. Здесь они нанимались у кишларей и богатых колонистов на определенные сроки, иногда даже на ряд лет. Наиболее распространенной такой отход был среди крестьян Бендерского округа; уходили они в ближайшие немецкие колонии. Крестьяне из Аккерманского округа большей частью шли наниматься в болгарские колонии.

¹ ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 7358, л. 3.

² Шкилев. Имение Манзырь Бессарабской области. Журнал Министерственных государственных имуществ (в дальнейшем ЖМГИ), 1845, ч. XVI, стр. 61—73; «Земледельческая газета», 1835, №№ 16—17, стр. 125—134; И. Ф. Штукенберг. Указ. соч., стр. 10—11; Риглер. Сельское хозяйство Бессарабии. Труды Вольного Экономического Общества (ВЭО), 1860, т. 1, стр. 177—178; т. III, стр. 2—3, 7—9; ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 5130, л. 63; ф. 302, оп. 2, д. 1076, л. 1—4; ЦГИА СССР, ф. 398, д. 2209, л. 69—70, 75, 83.

³ ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 4274, л. 10, 16, 28, 38; д. 4967, л. 87—102; ЖМГИ, 1845, ч. XVI, стр. 139.

⁴ Там же, д. 3185, л. 12; д. 5735, л. 87, 498; ф. 122, оп. 2, д. 127, л. 196; ф. 6, оп. 3, д. 596, л. 19.

В документах зафиксированы многочисленные факты такого отхода из селений: Токуз, Садаклия, Чанц, Чимишлия, Опач, Каушаны, Ермоклия, Салкуца, Чора-Мурза, Калфа, Фарладаны — Бендерского округа; Семеновка, Александровка, Дивизия, Гура-Челегидер, Формушика, Царичанка, Павловка, Плахтеевка, Татарбунары, Николаевка, Ярославка, Талмазы, Золокары, Слободзея-Ганесы, Копчак, Сергеевка, Фештелица, Райлянка и Ташлык — Аккерманского округа¹. По сведениям колониетских властей, в болгарских и немецких селениях более или менее постоянно проживали: в болгарских в 1847 году — 217 государственных крестьян, в 1852 году — 160, в 1862 году — 277 и в 1869 году — 183; в немецких в 1867 году — 203 и в 1869 году — 182 человека².

Бессарабские помещики, купцы-землевладельцы, колонисты, кулаки из среды государственных крестьян нуждались в рабочих руках и для полевых работ.

Уход «на фальчи» был распространенным видом отхода у государственных крестьян всех округов, и в первую очередь крестьян Хотинского округа. Часто их вынуждали к этому налоги или долги: они нанимались зимой, забрав вперед задатки для уплаты налогов. Нередко крестьяне уходили летом на юг области, работали в помещичьих имениях в ущерб своим собственным хозяйствам. В 1838 году Мамалыгское волостное правление доносило в земский суд: «...беднейшие казенные крестьяне селений Гиждева, Мамалыги, Тицкан и Куневки... должны по контрактам 15 мая толпами отлучаться в разные места Бессарабской области к отработыванию большого количества фалеч за взятую у разных владельцев значительную сумму на уплату в прошлом 1837 и сем 1838 годах подати и земской повинности»³.

В 1850 году группа крестьян с Белоусовки того же округа для уплаты налогов забрала вперед деньги у помещика Ламбрино под молотьбу хлеба, а затем их отработывала⁴. В 1863 году крестьяне Гиждевской волости в одном из мирских приговоров писали: «По случаю бедного нашего состояния многие из нас по открытию весеннего рабочего времени отправляются по обязательным контрактам для отработывания взятых денег на уплату податей и приобретения таковых на таковую же надобность⁵. Окружное управление выполняло посредническую роль в найме крестьян на работу; полученный крестьянами задаток в счет работы поступал в уездное казначейство. Так, в угодном казенным интересам «попечительная» администрация вынуждала крестьян идти в кабалу, обеспечивала вербовку крестьян для работы в помещичьих имениях на невыгодных условиях. Практиковался еще один способ сговора администрации с помещиками: заработанные крестьянами деньги высылались из имений прямо в волостные и сельские правления для уплаты налогов (в сс. Царичанка, Дивизия и др.)⁶.

Крестьян Хотинского округа к отходу вынуждало и малоземелье:

¹ ЦГА МССР, ф. 305, оп. 1, д. 76, л. 2—4; д. 312, л. 20—26; д. 357, л. 5; д. 367, л. 1; д. 378, л. 13—15; ф. 122, оп. 2, д. 144, л. 145—151; ф. 6, оп. 2, д. 1188, л. 4, 7, 8, 10, 11, 28, 29, 40; оп. 3, д. 596, л. 13; ф. 134, оп. 3, д. 51, л. 19—29; ф. 2, оп. 1, д. 5735, л. 787; д. 7036, л. 6; ф. 454, оп. 1, д. 15, л. 27; ф. 3, оп. 4, д. 162, л. 3.

² ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 5363, л. 241; д. 5873, л. 20; ф. 151, оп. 1, д. 94, л. 44—56; ф. 2, оп. 1, д. 7507, л. 36; д. 7836, л. 215.

³ Там же, ф. 134, оп. 1, д. 114, л. 644.

⁴ Там же, ф. 122, оп. 2, д. 35, л. 13—24; д. 40, л. 3—25.

⁵ Там же, ф. 6, оп. 8, д. 1041, л. 82.

⁶ Там же, ф. 122, оп. 2, д. 17, л. 21—24.

«для работы поденно у частных лиц» на юге области нанимались крестьяне селений Рухотина, Белоусовки и др.¹ Нужда заставляла наниматься на кабальных условиях у помещиков и других землевладельцев и коронных цыган².

Стихийные бедствия (неурожай, налеты саранчи) также заставляли крестьян уходить из селений в поисках заработков. В 1823—1824 гг. по этой причине крестьяне поднепровских селений «разошлись в разные места для заработка хлеба и сена»; в некоторых селениях (Роша и др.) на месте осталось не более шестой части крестьян³. Так было в 1848 году, когда из-за неурожая крестьяне большинства селений Хотинского округа уходили в соседние помещичьи имения, в Ясский уезд и на юг области молотить хлеб, заготавливать и возить дрова и т. д.⁴ В 1856 году крестьяне Карамахметской волости Аккерманского округа «по случаю истребления посевов их саранчой, разошлись по всей Бессарабии на заработки»⁵.

Начиная с ранней весны крестьяне Хотинского округа группами в несколько десятков человек шли пешком через Бельцы и Кишинев в Буджак. И если это были рабочие, уже нанятые зимой, то по приходе на места расходились по имениям, колониям и селам; если же они шли в поисках работы, то рассредоточивались по городам и местечкам, где скоро находили работодателей. Пунктами наибольшего стечения рабочих в южных уездах были Аккерман, Бендеры, Тарутино, Гура-Галбина, Комрат; в центральных и северных уездах — Кишинев, уездные города, местечки (Бричаны, Единцы, Фалешты, Скуляны и др.).

Рабочих рынков в строгом смысле слова в Бессарабии тогда еще не существовало⁶. Из Хотинского уезда крестьяне уходили и за Днестр — в Херсонскую и Подольскую губернии⁷. Крестьяне южных округов иногда отправлялись на работу в центральные уезды⁸.

В летние месяцы крестьяне шли обычно на уборку сена и хлебов. Некоторые из них нанимались на молотьбу со своим рабочим скотом⁹.

Земледельческий отход охватывал еще одну отрасль сельскохозяйственного производства — садоводство и виноградарство. Наемный труд использовался в различных видах работ: перекопка и рыхление междурядий, обрезка и подвязка лозы, плантаж всей площади, сбор винограда и фруктов, подготовка участков для закладки новых садов и виноградников и пр.

Районами прихода садовых рабочих были Поднепровье, Аккерман и колония Шаба, где сосредоточивались крупные фруктово-виноградные насаждения и развивались хозяйства капиталистического типа.

Известный в ту пору садовладелец в м. Каушанах отставной чиновник А. Олофсон, имевший виноградники на участке в 20 дес., поль-

¹ ЦГИА СССР, ф. 383, д. 4262, л. 13—14.

² ЦГА МССР, ф. 123, оп. 1, д. 23, л. 14, 21; д. 53, л. 1—5.

³ Там же, ф. 3, оп. 4, д. 218, л. 2, 13.

⁴ Там же, ф. 122, оп. 2, д. 20, л. 66—68.

⁵ Там же, ф. 122, оп. 2, д. 89, л. 154.

⁶ Там же, ф. 2, оп. 1, д. 2634, л. 1.

⁷ Доклад выс. учр. комиссии для исследования нынешнего положения сельского хозяйства и сельской производительности в России. Прилож. 1, СПб., 1873, стр. 133.

⁸ ЦГА МССР, ф. 122, оп. 2, д. 43, л. 28—29.

⁹ С. С. Лошкарев. Путевые заметки о сельском хозяйстве Южной России. Труды ВОЭ, 1844, т. 3, стр. 18.

зовался наемным трудом крестьян местечка и ближайших селений. В Манзыре к 60-м гг. виноградники в 78 дес. обрабатывались наемными рабочими. Тысячи десятин садов и виноградников в Аккерманско-Шабском районе привлекали ежегодно до 3 тыс. рабочих.

Оплата труда была в основном поденная: в 40-х гг. она составляла 30—40 коп. серебром, в 50-х гг. — 50—75 коп., в конце 60-х гг. — от 60 коп. до 1 руб. 25 коп. При найме рабочих на год им платили в 60-х гг. в Шабе от 85 до 115 руб. серебром. Рабочие-виноделы получали оплату от пуда переработанного винограда. Относительно высокая оплата труда объясняется тем, что на работу брались не все желающие, а лишь опытные рабочие, специализировавшиеся на обработке фруктовых и виноградных насаждений, сушке, сортировке и укладке плодов, уборке винограда, выделке вина и пр.¹

Оплата труда сельскохозяйственных рабочих, занятых в полеводстве, животноводстве и в заготовке сена, зависела от многих причин: от характера найма (сдельного у сезонных рабочих, повременного — у постоянных), от условий найма, от степени спроса и предложения на рабочую силу, от урожайности, местности и т. д. Она могла быть денежной, денежно-натуральной и натуральной. Размеры ее зависели и от того, когда крестьяне нанимались на работы — зимой или во время пахоты, сева, косьбы сена и уборки хлебов. «Отношения капиталистического найма часто переплетались с грубой докапиталистической эксплуатацией»².

Как уже отмечалось, среди государственных крестьян и вообще по области был распространен наем зимой с выдачей задатка в счет будущей заработной платы³. В. И. Ленин называл «зимнюю наемку» «варварской, средневековой, азиатской» и подчеркивал вместе с тем, что крестьяне при этом получали за работу более пониженную плату, чем при летнем найме⁴. Это целиком относится и к бессарабской действительности изучаемого нами периода: кабальная форма найма с разницей в оплате в 1,5—2 раза была присуща почти всем случаям «зимней наемки». В 50-х гг., например, средняя плата за работу при найме зимой составляла: за покос одной фальчи сена, ячменя, овса — 1 руб. 50 коп., за жатву одной фальчи хлеба — 3 руб. и за намолот одной килы (2,5 четверти) зерна — 1 руб.

При летнем найме цены значительно повышались: за покос одной фальчи — 2—3 руб., за жатву хлеба — 4—5 руб.⁵

Наем на полевые и сенокосные работы (прашевка и уборка кукурузы, косовица, жатва, обработка полей под зерновые культуры) производился, главным образом, от участка, на фальчевую или десятичную меру; поденно нанимались на работу в садах, виноградниках и

¹ ЦГА МССР, ф. 134, оп. 1, д. 59, л. 396; ф. 122, оп. 2, д. 23, л. 180—183; ф. 2, оп. 1, д. 7063, лл. 11, 14; ф. 61, оп. 1, д. 86, л. 88; К. И. Тардан. Виноградарство и виноделие. Одесса, 1854, стр. 14; В. Иверсен. О русских винах и виноделии в России. Труды ВЭО, т. III, стр. 26; И. Енакиевич. Аккерманские малороссы. Архив географического общества СССР, фонд — Бессарабская губерния, разряд 3, оп. 1, д. 5, л. 12; Кишиневские епархиальные ведомости, 1872, № 20, стр. 809; С. Щепкин. Виноградарство и виноделие в Бессарабии и ее округе. СПб., 1869, стр. 34.

² Н. М. Дружинин. Наемный труд государственных крестьян накануне 1861 г. Из истории рабочего класса и революционного движения. М., 1958, стр. 178.

³ ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 4612, лл. 1—5; д. 7142, л. 262; ЦГИАМ, ф. 109, д. 154, л. 15; ЖМГИ, 1845, ч. XVI, стр. 133.

⁴ В. И. Ленин. Сочинения, т. 20, стр. 221.

⁵ ЦГИА СССР, ф. 398, д. 5923, л. 32.

на табачных плантациях. На юге области при летнем найме платили за уборку одной фальчи сена (косьба, сушка, складывание в стоги) в 50-х гг. 2 руб. 50 коп.—3 руб., а в конце 60-х гг. — 6—7 руб. серебром¹. За обработку десятины земли с засевом в 60-х гг. платили 4 руб.; уборка хлеба косой (скосить, стянуть и сложить в стоги) стоила 4—5 руб. за десятину, а если хлеб жали, цена увеличивалась. За прашевку кукурузы в южных уездах в 60-х гг. платили в первый раз 6 руб., во второй — 4—5 руб. за десятину².

При наймах на определенные сроки (подённо, помесечно, посезонно и на год) размеры зарплаты были различными в зависимости от полюсы области. В 60-х гг. платили³:

годовым рабочим	краткосрочным
в северных уездах — 30—35 руб.	3—7 руб. в месяц
в средней полосе — 30—40 руб.	2 руб. 50 коп.—5 руб.
в южных уездах — 50—60 руб.	5 руб.

Поденная оплата также колебалась территориально и возрастала по мере продвижения на юг области. В 40-х гг., например, она составляла⁴:

в зимнее время	в летнее время ⁵ .
в Хотинском уезде — 10 коп.	15—20 коп.
в Яском, Сорокском, Оргеевском и Кишиневском уездах — 15 коп.	20—25 коп.
в Бендерском, Аккерманском и Кагульском уездах — 30 коп.	50 коп.

В некоторых имениях оплата поденщиков дифференцировалась в зависимости от времени года, пола и возраста рабочего (иногда обедневшие крестьяне уходили на заработки всем семейством)⁶. Типичным примером может служить оплата с учетом градации в имении Манзырь в конце 50-х гг.⁷.

летом	зимой
мужчине — 35 коп.	25 коп.
женщине — 20 коп.	15 коп.
подростку — 10 коп.	10 коп.

Оплата труда рабочих в денежно-натуральной и чисто натуральной формах имела не меньшее распространение, чем денежная. В нее включались натуральные компоненты: питание, обувь и одежда, какая-то доля собранного урожая, сена, определенное количество овец и пр. Такие по своему содержанию докапиталистические формы оплаты труда свидетельствовали о недостаточном развитии товарно-денежных отно-

шений. Смешанная форма оплаты труда — определенным количеством продуктов и деньгами — являлась показателем приспособления старой формы эксплуатации к капиталистическим формам.

При оплате натурой рабочие получали 3 или 5-ю копну сена, 6 или 10-ю мерку при уборке картофеля и 47-ю мерку при уборке свеклы¹; за молотьбу льна получали волокно²; за определенное количество голов животных, овчин и брынзы пасли скот, лошадей и овец³.

Комбинированная оплата имела большее количество вариантов. В Мынзаре, например, за уборку фальчи сена платили 2 руб. серебром, 0,5 пуда муки и четыре фунта брынзы; чабанам — деньгами, продуктами (мукой, мясом и брынзой) и по 10 овчин в год⁴. В экономии помещика Дубинского в Бендерском уезде чабанам платили в год по 25 руб. серебром и по 20 овчин⁵. За деньги, скот и «одеяние» государственные крестьяне нанимались пасти овец в колониях⁶.

В большинстве случаев нанимались работать на «хозяйских харчах», которые были неприхотливыми и грубыми: кукурузная мука, брынза; постоянным рабочим добавлялась солонина.

Наряду с земледельческим отходом в казенных селениях повсеместно развивался неземледельческий промысловый отход, базой для которого служили соляные и рыбные промыслы, днестровское судоходство, города, мелкие перерабатывающие предприятия — бойни, салотопни, шерстомойни, сыроварни, фруктосушильни, винпункты, кирпично-черепичные, кожевенные, ткацкие и другие купеческие и крестьянские мануфактуры. Постоянный спрос на рабочую силу давал крестьянам большие возможности для заработков.

И. А. АНЦУПОВ

ПЛЕКАРЯ ДИН САТЕ ЛА МУНЧЬ АГРИКОЛЕ СЕЗОНИЕРЕ А ЦЭРАНИЛОР ДЕ СТАТ ДИН БАСАРАБИЯ

(а. 30—60 ай сек. XIX)

Резумат

Ын артикол сынт черчетате пе скурт каузеле плекэрий дин сате ла мунчь агриколе сезониере а цэранилор де стат дин Басарабия, сынт менционате райоанеле унде се ындрептау чей каре кэутау де лукру. Пе база унуй материал документар конкрет сынт елучидате урмэтареле проблеме: натура ангажэрий, системуриле де саланризаре, мэримя саланриилор (ын депенденцэ де сезон, де дурата ангажэрий, де вырста ши сексул мунчиторилор ш. а. м. д.), кондицииле де мункэ але челор ангажаць ла мунчь сезониере.

¹ ЦГА МССР, ф. 302, оп. 2, д. 895, л. 13; ф. 8, оп. 1, д. 35, л. 18.

² Я. Грудзино, Сельское хозяйство Бессарабии. ЖМГИ, ч. 86, стр. 394; ЦГА МССР, ф. 8, оп. 1, д. 35, л. 18.

² С. С. Лошкарев. Указ. соч., стр. 18.

³ ЦГА МССР, ф. 305, оп. 1, д. 312, л. 20.

⁴ Риглер. Указ. соч., труды ВЭО, 1860, т. 1, стр. 178; т. 2, стр. 2.

⁵ ЦГА МССР, ф. 6, оп. 3, д. 596, л. 19.

⁶ ЦГА МССР, ф. 305, оп. 1, д. 312, лл. 20, 26.

³ Там же, стр. 394.

⁴ Военно-статистическое обозрение Бессарабской области, стр. 114.

⁵ В отдельных случаях во время уборки хлеба и сена помещики платили в 50-х гг. рабочим за день по 1 руб. серебром и более. ЦГА МССР, ф. 3, оп. 2, д. 1020, л. 26.

⁶ ЦГА МССР, ф. 454, оп. 1, д. 15, лл. 27—39.

⁷ Риглер. Указ. соч., труды ВЭО, 1860, т. 3, стр. 2.

ИЗ ИСТОРИИ УСТАНОВЛЕНИЯ ВОЕННО-ФАШИСТСКОЙ ДИКТАТУРЫ В РУМЫНИИ (сентябрь 1940 г.)

Изучению истории Румынии в период военно-фашистской диктатуры посвящен ряд исследований румынских¹ и советских историков², однако специальных работ по этой теме пока еще нет. В существующих работах этому вопросу, как правило, отводится небольшое место, причем решается он без детального анализа конкретной обстановки в стране в тот период и без разбора позиций различных классов и политических партий. Такое положение затрудняет понимание некоторых важнейших событий этого периода.

Разоблачение обстоятельств установления реакционной военно-фашистской диктатуры необходимо тем более, что западные буржуазные историки и бежавшие от народного гнева румынские политические деятели и дипломаты выпустили целый ряд «работ» и мемуаров, в которых стараются представить палача Антонеску и тесно связанных с ним лидеров буржуазно-помещичьих партий Ю. Манну, Д. Братяну и др. как борцов за интересы румынского народа³.

В настоящей статье, не претендующей на исчерпывающее изучение вопроса, делается попытка показать заговорщический, антинародный характер военно-фашистской диктатуры, проанализировать обстановку, в которой она была установлена, и определить роль гитлеровской Германии и румынских правящих кругов в ее возникновении.

Военно-фашистская диктатура была установлена в Румынии в момент тяжелого кризиса буржуазно-помещичьего строя. Правительство королевской диктатуры и лидеры буржуазно-помещичьих партий приняли позорные условия диктата, предъявленного Румынии 30 августа 1940 года в Вене министрами иностранных дел гитлеровской Германии

¹ См. Lecții în ajutorul celor care studiază istoria P.M.R. București, 1961; V. Topalu. Din lupta PCR pentru apărarea intereselor fundamentale ale maselor populare în perioada dictaturii regale. «Studii», 1961, N 2; E. Neamu, A. Fedotova. Din lupta PCR, împotriva tiriei României în războiul antisovietic. «Analele Institutului de istorie a partidului de pe lângă CC al PMR», 1960, N 3; I. Popescu-Puțuri. Principalele trăsături ale regimului politic din România în perioada dictaturii militare fasciste și a agresiunii hitleriste; там же, 1963, N 6 и др.

² См. Н. И. Лебедев. Румыния в годы второй мировой войны. М., 1961; А. А. Шеляков. Экономическая и военно-политическая агрессия германского империализма в Румынии, Кишинев, 1963; С. М. Пархомчук. Нарождения Нової Румунії, Київ, 1961 и др.

³ См., например, G. Gafencu. Vorspiel zum Krieg im Osten. Zürich, 1944; A. Hillgruber. Hitler, König Carol und Marshall Antonescu. Wiesbaden, 1954; Al. Cretzianu. The lost opportunity. London, 1957 и др.

и фашистской Италии, согласно которому северная часть Трансильвании была отдана хортистской Венгрии. Румынская реакция окончательно предала национальные интересы народа. Королевская диктатура, утверждавшая, что она полна решимости защищать границы страны, полностью себя скомпрометировала. Одновременно Румынии были предоставлены так называемые «гарантии» со стороны Германии и Италии, носившие провокационный антисоветский характер. Эти «гарантии» являлись ширмой, под прикрытием которой гитлеровцы получили возможность разместить свои войска в Румынии и превратить страну в плацдарм для развязывания антисоветской войны.

Политика капитуляции перед фашистскими агрессорами вызвала возмущение народных масс. В городах Клуж, Брашов, Тимишоара, Арад, Байя-Маре, Яссы и других состоялись массовые демонстрации протеста, в которых активное участие приняли коммунисты. В Клуже демонстрация трудящихся против совершенной в Вене гнусной сделки состоялась 30 августа 1940 года. Демонстранты призывали к дружбе с народами Советского Союза, видя в ней гарантию независимости и территориальной целостности Румынии¹. Реакционная американская газета «Нью-Йорк таймс» вынуждена была констатировать, что происходившая в Клуже демонстрация протеста против расчленения Трансильвании «носила больше коммунистический, чем какой-либо другой характер»². В г. Брашове демонстрации продолжались 2, 3 и 4 сентября 1940 года³. Выступления масс проходили под революционными лозунгами КПП: «Долой диктатуру голода и террора Карла II», «Долой империалистический венский диктат», «Хотим народное правительство», «Долой фашистских агрессоров» и т. д.⁴

31 августа 1940 года Коммунистическая партия Румынии обратилась ко всем демократическим организациям и руководителям национал-царанистской партии с предложением организовать совместную борьбу в целях свержения правительства национального предательства и замены его демократическим правительством, которое отказалось бы признать венские решения и обеспечило бы территориальную целостность страны⁵. Это предложение, однако, принято не было. Борьба Коммунистической партии против венского арбитража была поддержана только такими подлинно демократическими организациями, как «Мадос» и «Фронт земледельцев».

Бурные выступления широких масс показали, что они ненавидят королевскую диктатуру и установленный ею режим. Революционные настроения масс обеспокоили реакционных политических деятелей Румынии еще до принятия венского диктата. В начале июля 1940 года известный палач революционного движения Ал. Вайда-Воевод писал в конфиденциальном меморандуме Карлу II: «Нельзя будет избежать восстания и анархии в стране без быстрого и энергичного принятия таких мер, которые наподобие магического удара способствовали бы успокоению и поднятию морального состояния страны и сделали бы возможной нормальную государственную жизнь... Иначе нам угрожает но-

¹ Lectii în ajutorul celor care studiază istoria P.M.R. București, 1961, p. 405.

² «New-York Times», 1940, 5 септември.

³ «Contemporanul», 1951, 4 мај.

⁴ «Scinteia» anul X, 1940, 17 септември.

⁵ См. V. Topalu. Din lupta partidului comunist din România pentru mobilizarea maselor împotriva dictaturii de la Viena. Analele Institutului de istorie a partidului de pe lângă CC al P.M.R., 1960, n. 6, pag. 13—14.

вый 1907 год (подчеркнуто мною. — Б. К.)»¹. Ненависть масс к реакционному строю был вынужден признать даже такой фашистский журналист, как Памфил Шейкару, который писал, что народ питает органическое отвращение к авторитарному строю².

Особое возмущение вызвала в народе массовая мобилизация. В упомянутом меморандуме Ал. Вайда-Воевод писал: «Мобилизация вызвала по всей стране панику и горе. Недовольство в селах, в семьях выражается открыто. Реквизиции еще более усилят брожение»³.

В начале сентября 1940 года под ружьем находилось свыше 800 тысяч солдат и офицеров⁴. Это разоряло трудящиеся массы, вызвало дезорганизацию экономики страны. В рядах армии усилились антивоенные настроения, участились случаи неповиновения и дезертирства. Предательское поведение правящих кругов по вопросу Трансильвании вызвало стремительный рост патриотических и антигитлеровских настроений солдатских масс и офицеров-патриотов⁵. Вспоминая события, предшествующие его приходу к власти, И. Антонеску писал в конфиденциальном письме Дину Братиану и Юлию Маниу в августе 1943 года, что в начале сентября 1940 года «вулкан» революции «был зажжен от края до края страны»⁶.

Положение, создавшееся в стране, обеспокоило румынскую буржуазию и помещиков, которые смертельно боялись революционной борьбы масс. Оно встревожило гитлеровское правительство, добивавшееся превращения Румынии в плацдарм для антисоветской войны, планы которой уже вынашивались немецким генеральным штабом. Особенно беспокоила гитлеровцев перспектива, что они могут лишиться румынской нефти⁷.

Интересы румынской буржуазии и помещиков и гитлеровского правительства совпадали в вопросах необходимости подавления борьбы масс и спасения буржуазно-помещичьего строя. Роль «спасителя» прогнившего реакционного строя была предоставлена фашистскому генералу Иону Антонеску. По его собственным словам, он начал свою карьеру, «стреляя в народ»⁸. Во время первой мировой войны И. Антонеску, используя свои связи с начальником генштаба румынской армии

¹ Arhivele statului. București. Fond Vaida. Документ озаглавлен автором Brouillonul ultimului memoriu predat Regelui Carol II, a 3-a ori a 4-a zi după intrarea mea în cabinetul Tătărescu la 29.VI. 1940.

² «Curentul», 1940, 13 септември.

³ Arhivele statului. București. Fond Vaida (цит. док.).

⁴ Documents on german foreign policy 1918—1945, series D (1937—1945), vol. XI. London, 1961, p. 326.

⁵ См. по этому поводу статью «Aspecte privind atitudinea ostilă a militarilor români împotriva fascismului și a pregătirii războiului antisovietic (Septembrie 1939 — 22 iunie 1941)». Analele Institutului de istorie a partidului de pe lângă CC al PMR, 1964, N 1.

⁶ Arhivele statului. București, pachet 82, dosar 150, ediția II după manuscrisul găspunsului făcut la memoriul domnilor Brătianu și Iuliu Maniu din 12 august 1943, p. 2.

⁷ По сведениям немецкого реакционного историка Г. Грайнера, гитлеровцы готовились к оккупации нефтяного района Румынии своими вооруженными силами (См. Helmuth Greiner. Die oberste Wehrmacht Wehrmachtführung. Wiesbaden, 1951, стр. 299—301). 26 августа 1940 г. Гитлер приказал дислоцировать 10 гитлеровских дивизий в оккупированной Польше таким образом, чтобы они могли быть быстро переброшены для захвата румынского нефтяного района. См. «Documents on german foreign policy 1918—1945, series D; vol. X, London, 1957, p. 549—550». Гитлеровцы рассчитывали начать эту операцию 1 сентября 1940 г. (Там же, p. 567).

⁸ Архива Consiliului de miniștri. Fond Stenogramele Consiliului de miniștri (1940—1944). Stenograma ședinței din 11 februarie, 1941, I. 3.

генералом Презаном, занял важный пост начальника оперативного отдела генштаба. Затем он был военным атташе Румынии в Лондоне, занимал крупные посты в военном аппарате страны. После прихода Гитлера к власти и усиления наступления фашизма в Румынии, И. Антонеску сблизился с главарями различных фашистских организаций — Корнелиу Кодряну, О. Гога, А. Куза, сохраняя в то же время связи с лидерами «исторических» буржуазно-помещичьих партий. Он вошел в качестве военного министра в состав кратковременного правительства Гога—Куза и сохранил этот пост в первом правительстве королевской диктатуры. Из-за разногласий с Каролом II по вопросу об отношении к фашистской организации «Железная Гвардия» и ее главарю К. Кодряну, Антонеску, являвшийся сторонником ее привлечения в правительство, был снят со своего поста, а затем отстранен и от командования армейским корпусом. К этому времени относится начало вынашивания И. Антонеску планов захвата власти в стране¹.

Его недовольство королевской диктатурой было ловко использовано гитлеровской разведкой. В доме престарелого маршала Презана, также отстраненного Каролом II от активного участия в политической жизни страны и являвшегося почитателем гитлеровской Германии, И. Антонеску летом 1940 года встретился с гитлеровскими агентами — полковником Герштенбергом, занимавшим официально пост военно-воздушного атташе при гитлеровской миссии в Бухаресте, и известной разведчицей Эдит Колер². Как было выявлено на суде над кликой Антонеску, в это время гитлеровцы носились с планом свержения королевской диктатуры и приведения к власти железногвардейцев во главе с Презаном и И. Антонеску³.

24 октября 1940 года на совещании командующих крупными воинскими соединениями И. Антонеску заявил: «Еще до моей отправки в тюрьму в Бистрицу мне было сообщено представителями Берлина и Рима, что, по их мнению, я являюсь единственным человеком, который мог бы спасти страну»⁴. Уверенный в поддержке Гитлера и Муссолини, 1 июля 1940 года, т. е. спустя несколько дней после освобождения Бессарабии, Антонеску явился к Каролу II и потребовал от него передачи ему всей власти в стране. Кароль II побоялся расправиться со своим фашистским соперником, но отправил его в «заточение» в Бистрицкий монастырь. Эти «преследования» со стороны королевской диктатуры создали И. Антонеску в рядах отсталых слоев крестьянства и мелкой буржуазии ореол «мученика», борца против злоупотреблений продажного монарха. Лидеры буржуазно-помещичьих партий, оппозиция которых к королевской диктатуре усилилась в это время в связи с провалом проводимой ею политики, всячески способствовали созданию легенды о преследованиях Антонеску, распространяя по всей стране текст его меморандума.

¹ В письме к Валеру Поп, который пытался приписать себе «заслуги» в захвате власти И. Антонеску, последний писал, что «государственный переворот я готовил 2—3 года и устроил его вместе с М. Антонеску» (Arhiva ministerului de externe, dosar special, scrisoarea lui I. Antonescu către Valer Pop din 9 august 1942 (фотокопия), p. 1—2).

² Arhiva ministerului afacerilor interne, dosar 40010, vol. 3, p. 22.

³ Там же.

⁴ Arhivele Statului. București, pachet 166, dosar 14. Cuvîntarea lui I. Antonescu la convocarea comandanților de mari unități la 24 octombrie 1940, p. 4.

С протестом против ареста Антонеску выступил также посланник гитлеровской Германии в Бухаресте В. Фабрициус¹, которого об этом просили Г. Братиану² и М. Антонеску³. Находясь в Бистрицком монастыре, И. Антонеску продолжал поддерживать контакт с гитлеровскими представителями в Бухаресте через видного деятеля партии либералов Г. Братиану и Михай Антонеску. Оба они были тесно связаны с советником гитлеровской дипломатической миссии в Бухаресте Штельцером и военно-воздушным атташе этой же миссии Герштенбергом⁴.

В целях шантажа и ускорения действий своих румынских партнеров эти гитлеровские представители в августе 1940 года информировали М. Антонеску о том, что Германия оккупирует Румынию и превратит ее в протекторат, если в стране не будет установлен прогитлеровский режим⁵. Как рассказывал на заседании Совета Министров 25 июня 1942 года Михай Антонеску, он и Г. Братиану решили вначале сами устроить государственный переворот, а генералу И. Антонеску оставить лишь обеспечение безопасности страны⁶. Это, однако, не осуществилось, так как румынская реакция и гитлеровцы считали, что Г. Братиану и М. Антонеску не обладают необходимым политическим авторитетом, чтобы возглавить государственный переворот. К тому же широкие массы ненавидели Г. Братиану как отпрыска «династии», давшей много реакционных политических деятелей и владеющей огромными богатствами, а М. Антонеску был никому не известным профессором права.

Во время посещений М. Антонеску «узника» из Бистрицкого монастыря была установлена полная договоренность с гитлеровскими представителями. Уже будучи фашистским диктатором, И. Антонеску заявил 3 октября 1940 года, что, находясь в Бистрице, он тайно обсудил все вопросы с немцами и изложил им свою точку зрения по всем проблемам, касающимся управления государством, чтобы не иметь трудностей, когда обстоятельства приведут его к власти⁷.

Эти переговоры были известны правительству королевской диктатуры, которое следило за всеми действиями М. Антонеску и подслушивало его телефонные разговоры.

В начале сентября 1940 года И. Антонеску был выпущен из Бистрицы. Его престиж среди румынской крупной буржуазии и помещиков еще больше возрос. Реакционные круги стали утверждать, что если бы власть находилась в руках этого генерала, то Румыния сохранила бы Северную Трансильванию. Решив отказаться от Кароля II, правя-

¹ «Procesul marii trădări naționale». București, 1946, p. 183.

² Г. Братиану возглавлял группу, отколовшуюся в 1930 г. от партии либералов. Он был известен своими прогитлеровскими симпатиями. Неоднократно посещал Берлин, где встречался с Гитлером, Герингом и др. фашистскими главарями. В 1938 г. Г. Братиану распустил свою партию и вернулся в либеральную партию, председателем которой являлся его дядя Д. Братиану. В доме Г. Братиану гитлеровские дипломаты и разведчики устанавливали связь с румынскими политическими деятелями.

³ М. Антонеску был членом партии, которую возглавлял Г. Братиану. Он состоял в дружеских отношениях с генералом И. Антонеску, адвокатом которого был на процессе по обвинению его в многоженстве.

⁴ Arhiva MAE, fondul 71/1920—1944. Germania, vol. 112. Notă asupra convorbirii avute în ziua de 11 mai 1943 de M. Antonescu cu Steltzer și Gerstenberg.

⁵ Там же, vol. 88. Notă asupra convorbirii avute în ziua de 24 iunie 1942 de M. Antonescu cu Killinger și Steltzer.

⁶ Arhiva Consiliului de miniștri, fondul Stenogramele consiliului de miniștri. Stenograma ședinței de joi 25 iunie 1942, f. 14—15.

⁷ Procesul marii trădări naționale. București, 1946, p. 234—235.

щие круги хотели доверить власть генералу, который сумеет уничтожить все остатки демократических свобод и втянуть страну в готовящуюся антисоветскую войну.

Сам Антонеску хорошо понимал роль, возложенную на него румынской буржуазией и помещиками. «Вы рассчитывали и надеялись использовать меня в качестве инструмента с шашкой, так же как вы использовали маршала Авереску и генералов Коандэ и Выйтояну»¹, — писал он в конфиденциальном письме Д. Братиану. Замечание Антонеску не было лишено некоторой доли справедливости. Как в 1918—1922 гг., когда румынская буржуазия и помещики выдвигали на политическую арену различных реакционных генералов, чтобы при их помощи потопить в крови революционное движение и участвовать в антисоветской интервенции, так и сейчас появился новый «спаситель» буржуазно-помещичьего строя в лице Антонеску. Крупные капиталисты и помещики, возглавлявшие скомпрометированные политические партии, опять ушли в тень, предоставляя фашистскому генералу возможность расправиться с народным движением.

Выйдя из заточения, И. Антонеску стал тщательно готовить государственный переворот. С этой целью он немедленно установил контакт с лидерами буржуазно-помещичьих партий. 11 мая 1940 года на процессе клики Антонеску Ю. Маниу заявил, что он встретился с И. Антонеску в Плоештах и договорился о том, что они откажутся от сотрудничества с Каролом II. Было решено, что после вынужденного отречения Кароля они будут сотрудничать в новом правительстве. Во время этой встречи вопрос о том, кто будет главой будущего правительства, не обсуждался, но Маниу согласился с требованием Антонеску оставить за собой Министерство внутренних дел и военное министерство². Антонеску согласовал свою позицию и с Д. Братиану³.

К этому времени в Румынии активизировала свою деятельность фашистская террористическая организация «Железная Гвардия». Главаря этой организации субсидировались крупными румынскими капиталистами и гитлеровцами. Лидеры буржуазно-помещичьих партий, в частности Ю. Маниу, поддерживали тесные связи с железногвардейцами, известными также под названием легионеров. Некоторое число главарей этой организации было умерщвлено по приказу Кароля II в связи с их попытками совершить государственный переворот и свергнуть его. После того как королевская диктатура в мае—июне 1940 года приняла окончательное решение подчинить страну гитлеровской Германии, Кароль II стал искать пути к примирению с главарями железногвардейцев. Некоторые из них — Хория Сима, Новяну и другие были даже включены в состав последних правительств королевской диктатуры.

Когда в начале июля стало ясно, что гитлеровская Германия поддерживает ревизионистские требования хортистской Венгрии, Хория Сима внезапно подал в отставку 7 июля 1940 года, через три дня после вступления в правительство Джигурту⁴. «Железная Гвардия» потребовала отречения Кароля II и передачи ей власти. За несколько дней до ареста И. Антонеску, состоявшегося 9 июля 1940 года, Хория Сима

¹ Arhivele Statului. București. Fond Președinția Consiliului de miniștri, pachet 79, dosar 214, scrisoarea lui I. Antonescu către Dinu Brătianu din 29 octombrie 1942, p. 2.

² Procesul marii trădări naționale, p. 200.

³ Там же, p. 193.

⁴ См. по этому вопросу статью: Eliza Campus. Criza politică a dictaturii regale (1940). Studii și articole de istorie, IV. București, 1962.

встретился с ним. Оба фашиста согласились на том, что необходимо свергнуть Кароля II и установить фашистскую диктатуру с широким участием железногвардейцев¹.

Главаря «Железной Гвардии» голосовали на коронном совете за принятие венского диктата, пытаясь в то же время возложить ответственность за его последствия на Кароля II лично и его камарилью в связи с проявленной ими якобы медлительностью и неискренностью в подчинении страны гитлеровской Германии. В своих целях они использовали огромное недовольство народных масс, которое в начале сентября 1940 года достигло таких размеров, что вызвало беспокоество главарей гитлеровской Германии и фашистской Италии. В секретном сообщении на имя А. Антонеску румынская секретная служба докладывала, что народные демонстрации протеста против венского диктата сильно обеспокоили гитлеровских представителей в Румынии, которые поняли, что они носят антигитлеровский характер и могут оказать «определяющее влияние на общественное мнение страны»².

Министр иностранных дел фашистской Италии Чиано записал в своем дневнике, что Муссолини был встревожен сведениями, поступающими из Румынии³. Особую тревогу гитлеровцев вызвали сообщения о намерении некоторых румынских генералов оказать сопротивление претворению в жизнь венского диктата⁴. Для осуществления своих планов гитлеровцы и активизировали «Железную Гвардию»⁵, что одновременно послужило нескольким целям. Во-первых, железногвардейцы, пользующиеся известным влиянием среди отсталых слоев крестьянства и даже пролетариата, отвлекали своей шовинистической пропагандой массы от революционной борьбы. Во-вторых, демонстрации легионеров должны были оказать давление на Кароля II и вынудить его призвать к власти человека «твердой руки», генерала Антонеску. На данном этапе легионеры должны были изобразить «национальную революцию», устроить неудавшийся «государственный переворот», чтобы доказать необходимость немедленного удаления с престола Кароля II, а главное, внушить массам мысль, что «Железная Гвардия» является якобы непримиримым врагом прогнившей королевской диктатуры и ее приход к власти приведет к коренным изменениям в судьбе народа.

Народные массы стремились к новому справедливому строю, и гитлеровцы решили преподнести им это «новое» в лице заклятых врагов всего прогрессивного — террористов из «Железной Гвардии», которые напялили на себя одежду «борцов» против тирании Кароля II. Это был обман народа, подлая игра на его сокровенных стремлениях к решительному разрыву с прошлым.

¹ Arhiva ministerului afacerilor interne, dosar N 40010, vol. 3, p. 22.

² Arhiva M.A.E., fond 71/1940 Germania, vol. 2. «Acțiunea germană în România 1 septembrie — 1 octombrie 1940, p. 1.

³ Galeazzo Ciano. L'Europa verso la catastrofe. Roma, 1947. (См. E. Campus, Op. cit., p. 210).

⁴ Arhiva M.A.E., fond 71/1940, Germania, vol. 2, p. 1.

⁵ Изучение документа, цитируемого в статье румынского историка И. Йонеску Пудурь и опубликованного в «Documents on german foreign policy 1918—1945, Series D. v. XI, p. 11, не позволило нам прийти к выводу автора статьи, утверждавшего наличие в документе указания гитлеровцев о том, чтобы «Железная Гвардия» приступила «к прямым действиям» (см. Analele Institutului de istorie a partidului de pe lângă C.C. al PMR, 1963, N 6). На наш взгляд, документ свидетельствует о стремлении гитлеровского посланника Фабрициуса заставить Хория Сима точно выполнять указания Берлина.

3 сентября главари легионеров инсценировали свой «государственный переворот», пытаясь захватить правительственные здания в Бухаресте, Галаце, Брашове, Клуже и в других городах страны¹. Со собственными фашистским организациям методами небольшие группы легионеров пытались захватить телефонную станцию Бухареста, перерезали некоторые телефонные провода, бросили гранаты в окна королевского дворца². Нападения легионеров были легко отражены, но полиция им попустительствовала, и виновники не были обнаружены.

Пародийный характер легионерских выступлений вынужден признать и один из видных легионеров, бежавший за границу³. Сам И. Антонеску, рассказывая об обстоятельствах, при которых ему удалось захватить власть, на заседании Совета Министров 7 сентября 1940 года говорил, что «произошли вещи, достойные комической оперы. Ведь демонстрации 200 молодых людей и те несколько выстрелов, которые были произведены, нельзя считать настоящей революцией»⁴.

В создавшейся обстановке Кароль II поручил 4 сентября формирование нового правительства И. Антонеску. Сестра Дину Братиану, Сабина Кантакузино, имевшая тесные связи с реакционными политическими деятелями, в том числе и с И. Антонеску, писала, что Кароль II «с покрасневшими от слез глазами и взъерошенными волосами, бросился в его объятия с криком: спаси меня, Антонеску, спаси меня»⁵. Неизвестно, были ли в действительности произнесены эти слова. Суть вопроса не в этом. Поручая формирование правительства генералу Антонеску, Кароль II тем самым признал политическое банкротство королевской диктатуры. Речь шла, конечно, не о вере Кароля в «рыцарство» Антонеску. К этому времени Кароль был покинут всеми своими политическими советниками, которые стремились как можно скорее отмежеваться от него. Попытка примириться с Антонеску свидетельствовала об отчаянном положении, в котором оказался монарх-диктатор.

С поручением короля в руках Антонеску поспешил к гитлеровскому посланнику посоветоваться по вопросу о формировании нового правительства. Хотя Фабрициус был хорошо осведомлен о настроениях и взглядах Антонеску, он переговорил 4 сентября о его планах с близким стоящим к фашистскому генералу Валером Попом. Сведения, полученные от Попа, полностью удовлетворили гитлеровского дипломата. «На мой вопрос, — докладывал Фабрициус Риббентропу, — Поп заявил, что Антонеску подготовлен к выполнению венского арбитражного соглашения, к приглашению военной миссии, (намеревается) просить немецкую военную помощь в связи с гарантией и желает установления тесных экономических связей с Германией. Нефтяная концессия будет

¹ О некоторых из этих беспорядков сообщала румынская печать. См., например, «Universul», 1940, 4 сентября.

² St. Palaghita. Garda de fier, vol. I. Buenos-Aires, 1951, p. 129; См. также Biblioteca Academiei RPR, secția de manuscrise. Arhiva familiei Brătianu, memoriile Sabinei Cantacuzino, plicul V, pag. 6 bis.

³ St. Palaghita. Op. cit., p. 129. Выступление 3 сентября он называет «так называемый государственный переворот от 3 сентября».

⁴ Arhiva Consiliului de miniștri, Fond Stenogrammele Consiliului de miniștri, stenograma ședinței din 7 septembrie 1940, f. 12.

⁵ Sabina Cantacuzino. Цит. мемуары, стр. 15. По заявлению И. Антонеску на предварительном следствии, Кароль II сказал ему: «Ты должен спасти государство и меня. Прости меня за все, что я сделал. Я знаю, что ты не будешь мне мстить» (Arhiva Ministerului Afacerilor Interne, dosar 40010, vol. 36, p. 20).

подвергнута пересмотру, чтобы обеспечить таким образом долю Германии»¹. Изложенная программа действий полностью совпадала с требованиями гитлеровской Германии, особенно заинтересованной в то время в выполнении венского диктата без сопротивления со стороны румынской армии.

Антонеску заявил Фабрициусу, что он намерен формировать правительство из железогвардейцев и некоторых других министров, приемлемых для гитлеровской Германии², но что пока он встречал трудности на этом пути³. «Поскольку только сильная рука генерала и быстрое решение могут спасти страну от хаоса, — докладывал Фабрициус Риббентропу, — я, в согласии со своим итальянским коллегой, посоветовал Антонеску получить диктаторские полномочия, устранить всем ненавистное окружение Кароля, приказав нынешним министрам остаться на своих постах до окончательного решения вопросов о (новом) кабинете и о возможном отречении Кароля и управлять авторитарными методами»⁴. Под видом совета гитлеровский посланник нарисовал фашистскому генералу целую программу действий, которая затем была им неукоснительно выполнена. В конце беседы Антонеску заверил Фабрициуса, что он видит свои основные задачи в полном выполнении венских решений, приглашении немецкой военной миссии и претворении в жизнь полученных «гарантий»⁵.

Беседа с Антонеску убедила гитлеровского посланника, что фашистский генерал предан гитлеровской Германии. В телеграмме Риббентропу Фабрициус сообщал, что в лице Антонеску «во главе румынского государства будет стоять человек, который полон решимости выполнить здесь наши важные требования»⁶.

Имея поддержку гитлеровцев и буржуазно-помещичьих партий, И. Антонеску добился вначале чрезвычайных полномочий от Кароля II. 4 сентября 1940 года Антонеску вел переговоры с различными реакционными политическими деятелями: Ю. Маниу, Д. Братиану, А. К. Куза, Н. Марешом, маршалом Презаном и Э. Отетелешану⁷. Все они категорически отказались иметь дело с Каролем, требуя его отречения⁸. Этот отказ Антонеску использовал для того, чтобы сложить мандат по формированию правительства. Фашистский генерал хорошо знал, что никто не согласится взять на себя это поручение. Затем Антонеску потребовал предоставления ему чрезвычайных полномочий. Его требование было поддержано Валером Попом⁹. Утром 5 сентября Кароль II подписал декрет, предоставляющий Антонеску руководство правительством с диктаторскими полномочиями¹⁰. Этот декрет знаменует собой формально окончание королевской диктатуры, так как он урезывал власть Кароля

¹ Analele Institutului de istorie a partidului..., 1963, N 6, p. 70.

² Documents on german foreign policy 1918—1945, series D. (1937—1945), vol. XI, p. 22.

³ Имеется в виду отказ всех реакционных партий сотрудничать в правительстве, пока на престоле находится Кароль II. 4 сентября 1940 г. Антонеску еще не поднимал вопроса об отречении Кароля.

⁴ Documents on german foreign policy 1918—1945, series D. (1937—1945), vol. XI, p. 22.

⁵ Там же.

⁶ Там же, p. 25.

⁷ Arhiva Ministerului Afacerilor Interne, dosar 40010, vol. 36, p. 21.

⁸ Там же; см. также «Pe marginea grăbastiei», vol. I. București, 1941, p. 44.

⁹ Валер Поп был доверенным лицом Кароля II. С начала сентября 1940 г. он перешел на сторону И. Антонеску, о чем, однако, Кароль не знал.

¹⁰ «Universul», 1940, 14 сентября.

и превращал Антонеску в подлинного вершителя судеб страны. Цель Антонеску, однако, состояла в том, чтобы добиться отречения Кароля. В этом большую помощь ему оказали железногвардейцы. Вечером 5 сентября 1940 года опять раздались выстрелы около королевского дворца и некоторых правительственных учреждений, толпа железногвардейцев пыталась прорваться в здание бухарестской полиции и т. д.¹

В этой обстановке вечером 5 сентября Антонеску потребовал отречения Кароля от престола. Ближайший сотрудник Кароля, маршал двора Эрнест Урдариану, получив от Антонеску обещание, что он останется в живых, стал ратовать за отречение². Кароль II начал совещаться со своими приближенными. Только два генерала, Паул Теодореску и Г. Михайл, высказались против отречения³. Реакционные политические деятели Г. Братиану, А. К. Куза, М. Манонлеску в один голос потребовали от короля немедленного отречения⁴.

Утром 6 сентября 1940 года Кароль II подписал акт об отречении. Новым королем Румынии был провозглашен его 19-летний сын Михай Гогенцоллерн, который питал неприкрытые симпатии к фашистским организациям. Большое влияние на него стала оказывать его мать Елена, долгое время жившая в фашистской Италии. Знаменательно признание самого Антонеску, который на заседании Совета Министров заявил, что его основной опорой в момент вынужденного отречения Кароля была гитлеровская миссия. Предъявив ультиматум Каролю с требованием немедленного отречения, Антонеску поспешил послать к Фабрициусу Валера Попа. Последнему Фабрициус заявил: «Я занят лишь тем, чтоб по доброту маршрут, по которому Кароль покинет страну. Следовательно, — продолжал Антонеску, — Фабрициус оказал мне огромную помощь при совершении государственного переворота. Если бы он поступил иначе, то я бы был убит, а Кароль остался бы на престоле»⁵. В этом заявлении фашистского диктатора содержится фактическое признание заговорщического, верхушечного характера совершенного им переворота, его прямой зависимости от гитлеровских заправил.

Совместные действия румынских реакционных сил и нацистского правительства привели к устранению Кароля II, к замене королевской диктатуры военно-фашистской диктатурой во главе с Антонеску, который провозгласил себя кондуктором, то есть фюрером Румынии.

Однако изгнанием Кароля смена режима не была закончена. Нужно было создать новое правительство. Ю. Манну и Д. Братиану заявили Антонеску, что они лично не могут участвовать в правительстве, так как хотят остаться в качестве резерва на тот случай, если его политика не удастся, но что они не будут чинить ему никаких препятствий⁶. На предварительном следствии И. Антонеску говорил... «мы договорились с Ю. Манну и Д. Братиану, чтобы они остались в резерве... Я договорился с г-ном Ю. Манну, чтобы я проводил свою политику, о которой неизвестно было, удастся ли она, но чтобы страна сохранила резерв на слу-

¹ «Universul», 1940, 14 сентября.

² Arhiva Ministerului afacerilor interne, d. 40010, v. 3, p. 22.

³ Там же, p. 25.

⁴ Pe marginea grăpastiei, v. I, p. 46. На предварительном следствии по своему делу И. Антонеску указал, что Кароль II советовался с Н. Йоргой, но что ему неизвестен его ответ. (Arhiva Ministerului afacerilor interne, dosar. N 40010, v. 36, p. 25).

⁵ Arhiva Consiliului de miniștri. Fond stenogramele Consiliului de miniștri. Stenograma ședinței Consiliului de miniștri din 27 septembrie 1940, f. 29.

⁶ Arhiva Ministerului afacerilor interne, dosar. N 40010, vol. 36, p. 24.

чай, если эта политика не удастся»¹. Манну и Братиану не хотели участвовать в новом правительстве по понятным причинам.

Одобрив и поддерживая Антонеску, Манну и Братиану не горели желанием участвовать в правительстве, которое должно было закрепить акт национального предательства, совершенный королевской диктатурой. Первоочередной проблемой этого правительства было претворение в жизнь решений венского диктата, что взял на себя Антонеску. В беседе с Фабрициусом он заявил, что первый пункт его программы предусматривает четкое выполнение венских решений².

Лидеры буржуазно-помещичьих партий отдавали себе отчет, что новое правительство будет целиком подчинено гитлеровской Германии, которую они рассматривали как временного хозяина положения в Европе. Как Манну, так и Братиану считали, что в конечном итоге войну выиграет Англия, которая будет пользоваться поддержкой Соединенных Штатов. «Мы (имеются в виду правящие круги Румынии.— Б. К.) можем ожидать с доверием, даже делая некоторые временные уступки, победу Англии...»³; — записывала в своем дневнике Сабина Кантакузино. Лидеры буржуазно-помещичьих партий считали подчинение Румынии гитлеровской Германии необходимостью, но не хотели себя скомпрометировать открытым участием в правительстве, которое должно было довести до конца превращение Румынии в сателлита гитлеровской Германии.

Манну и Братиану решили оказать поддержку правительству Антонеску, потому что видели в нем эффективный инструмент для подавления революционного движения и втягивания страны в готовящуюся войну против Советского Союза. «Одна из забот сознательных румын, — писал Д. Братиану, — состоит в том, чтобы по окончании войны или после ухода немецких войск в нашей стране не был установлен коммунистический строй...»⁴. В установленной Антонеску фашистской диктатуре Манну и Братиану видели гарантию сохранения эксплуататорского строя.

С первого же дня своего прихода к власти И. Антонеску не делал секрета из своих намерений втянуть Румынию в антисоветскую войну. 7 сентября на заседании Совета Министров он заявил, что, возможно, румынское государство будет очень скоро призвано участвовать в военной акции против Советского Союза⁵. Эти планы Антонеску совпадали со стремлениями Манну и Братиану, которые еще в конце июня 1940 года призывали к развязыванию войны против страны социализма.

Отказавшись от личного участия в правительстве, Ю. Манну и Д. Братиану заявили о своем согласии, чтобы представители возглавляемых ими партий участвовали в новом правительстве, которое должен был возглавить Антонеску. Это правительство, по мнению Д. Брати-

¹ Arhiva Ministerului afacerilor interne, d. 40010, vol. 36, p. 62.

² Официоз венгерского правительства на немецком языке «Пестер Лойд» сообщал радостно, что Антонеску обязался перед посланниками держав фашистской оси выполнить точно венские решения. (Pester Lloyd, 1940 г., 6 сентября.) Это сообщение не опровергалось румынским правительством.

³ Sabina Cantacuzino. Op. cit., p. 22.

⁴ Arhivele Statului. București. Fond Președinția Consiliului de miniștri, pachet 79, dosar 214, p. 8.

⁵ Arhiva Consiliului de miniștri. Fond stenogramele Consiliului de miniștri, stenograma ședinței Consiliului de miniștri din 7 septembrie, 1940, p. 8.

ану, должно было явиться правительством «национального союза», в состав которого вошли бы и представители «Железной Гвардии»¹.

В своем письме к членам национал-либеральной партии, Д. Братиану объяснил занятую им позицию тем, что поддержка, оказанная Антонеску возглавляемой им партией, могла усилить в общественном мнении его престиж. Братиану подчеркивал, что Антонеску боролся против анархии, подразумевая под анархией рост революционного движения в стране. Такую же позицию занял и Ю. Маниу. Национал-царанистская партия выразила готовность направить в правительство «национального союза» своих видных членов Михая Поповича и Аурела Добреску и целый ряд других членов партии², а Д. Братиану решил выделить в правительство для занятия поста министра иностранных дел своего ближайшего родственника и соратника по партии Г. Братиану и Ал. Оттулеску в качестве министра национальной экономики³. Лидеры буржуазно-помещичьих партий были больше всего озабочены необходимостью «восстановления порядка» и с этой целью предлагали, чтобы Антонеску занял по совместительству пост министра внутренних дел⁴. Таким образом, лидеры буржуазно-помещичьих партий хотели получить ключевые посты в правительстве, фактически руководить им, сохраняя в то же время за собой право утверждать, что не принимают «активного участия»⁵ в диктаторском правительстве.

Гитлеровскую Германию и Антонеску не устраивала перспектива образования правительства в таком виде, как это предлагали лидеры буржуазно-помещичьих партий. Конечно, такие люди, как Георге Братиану, который имел тесные связи с гитлеровскими главарями, пользовались их симпатией, и они не имели против них никаких возражений. Но гитлеровцам хотелось иметь в Румынии такое правительство, в котором большинство составляла бы «Железная Гвардия». Такой состав правительства мог обеспечить полное подчинение Румынии немецким монополистам и в то же время, поскольку оно бы состояло из людей, «не запятанных» своим сотрудничеством с режимом королевской диктатуры и прежними правительствами, оно могло продолжать вводить в заблуждение народные массы обещанием, что состояние дел изменится путем создания нового «справедливого» строя. Такой состав правительства облегчал установление военно-фашистской диктатуры. Оно прикрывалось демагогическими утверждениями о приходе к власти «новых» людей, о создании так называемого национально-легионерского государства⁶.

¹ Arhivele Statului. București, Fond Președinția Consiliului de miniștri, pachet 79, dosar 214, p. 4.

² См. Procesul marii trădări naționale, pp. 47, 201. От сотрудничества М. Поповича и А. Добреску Антонеску отказался.

³ Arhivele Statului. București, Fond Președinția Consiliului de miniștri, pachet 79, dosar 214, p. 5. По признанию Д. Братиану, он также посоветовал Г. Крецяну, директору «Банка Романяскэ», основными акционерами которого были члены семьи Братиану, принять портфель министра финансов, хотя Крецяну официально не был членом либеральной партии (см. там же, p. 5).

⁴ Там же, p. 4.

⁵ Там же, p. 5.

⁶ На суде румынских военных преступников И. Антонеску пытался доказать, что он был сторонником создания правительства «национального союза». (См. Procesul marii trădări naționale, p. 52). Однако из приведенной выше телеграммы Фабрициуса известно, что Антонеску стремился к созданию правительства с преобладанием железногвардейцев. Это подрывало идею создания правительства «Национального союза», состоящего в основном из членов буржуазно-помещичьих партий, как это предлагали Братиану и Маниу.

В своем письме к членам национал-либеральной партии Д. Братиану указывал, что вхождение Хория Сима в правительство исключило возможность пребывания в нем Г. Братиану¹. Д. Братиану не мог допустить, чтобы его официальный преемник на пост председателя партии вошел в правительство, в котором главарь «Железной Гвардии», известный своей террористической деятельностью, занимал пост вице-председателя Совета Министров. Но дело, конечно, было не в престиже. Произошел инцидент, который показал, что Г. Братиану не будет располагать никакой реальной властью, если согласится стать министром иностранных дел. Без его ведома И. Антонеску, по указанию гитлеровцев, назначил железногвардейца М. Стурдзу посланником Румынии в Берлин². В результате этого Г. Братиану отказался занять предложенный ему пост.

В этих условиях 14 сентября 1940 года Антонеску образовал новое правительство, большинство которого составляли легионеры. Экономические департаменты, однако, были доверены «опытным» людям, крупным капиталистам Г. Леону и Г. Крецяну. Первый из них, занявший пост министра национальной экономики, участвовал в нескольких правительствах королевской диктатуры и был известен как сторонник подчинения румынской экономики Германии. Г. Крецяну, правая рука Д. Братиану по руководству «Банка Романяскэ», стал министром финансов. Как сообщал Фабрициус в Берлин, их назначение было согласовано с гитлеровской миссией в Бухаресте³. Г. Леон и Г. Крецяну, так же как и руководитель государственного банка и некоторые генеральные секретари министерств нового правительства, были тесно связаны с «историческими» буржуазно-помещичьими партиями или состояли членами этих партий. Хотя решение гитлеровцев и Антонеску образовать новое правительство с большинством из легионеров явилось неожиданностью для лидеров буржуазно-помещичьих партий, они поддержали правительство военно-фашистской диктатуры, направив в него видных членов своих партий⁴. Участие этих прямых представителей крупных промышленников и банкиров в правительстве являлось гарантией того, что оно не позволит никакие «эксперименты» железногвардейцев в экономической области.

До 14 сентября Антонеску не объявлял состав нового правительства, желая, чтобы министры прежнего, ушедшего в отставку правительства королевской диктатуры, несли ответственность за выполнение венских решений и за состоявшуюся в сентябре передачу Южной Добруджи Болгарии.

14 сентября Антонеску демагогически объявил о превращении Румынии в национально-легионерское государство, добавив к званию «кондукэтора» новое звание главы легионерского строя. «Железная Гвардия» была объявлена единственно дозволенной политической организацией в стране. В обращении к стране Антонеску высокопарно вещал о том, что начинается якобы новое правление, ставящее перед

¹ Arhivele Statului. București, Fond Președinția Consiliului de miniștri, pachet 79, dosar 214, p. 5. «Железная Гвардия» относилась отрицательно к Г. Братиану как к одному из политических деятелей, близкостоящих в свое время к Каролю II.

² Arhiva Ministerului afacerilor interne, dosar 40010, vol. 36, p. 61. Впоследствии М. Стурдза стал министром иностранных дел военно-фашистского правительства, а в Берлин был послан другой фашист.

³ Analele Institutului de istorie a partidului de pe lângă C.C. al P.M.R., 1963, N° 6, p. 72.

⁴ См. Procesul marii trădări naționale, p. 194—195, 201.

собой цель улучшить жизнь трудящихся, и что основой нового строя будет справедливость и труд¹. Фашистский главарь Хория Сима также распинался, что «Железная Гвардия» устранит эксплуатацию человека человеком². Все эти демагогические заявления были направлены на обман трудящихся и сопровождались развязыванием шовинистической и антисемитской кампании, которая по своим размерам превосходила все, что уже пришлось видеть румынскому народу.

Лидеры буржуазно-помещичьих партий заявили, что они не будут чинить никаких трудностей новому правительству, и призывали к его поддержке³. С заявлениями о поддержке правительства выступили и сотрудничавшие в прошлом с королевской диктатурой реакционные политические деятели: И. Джигурту, Г. Гафенку, Г. Татареску и др. Часть правых лидеров социал-демократической партии, сотрудничавшая с королевской диктатурой в прошлом, заявила о своей готовности служить фашистскому правительству⁴.

Английские и американские империалисты с удовлетворением встретили установление в Румынии диктатуры Антонеску. Рупор английских монополистов, газета «Таймс» хвалила Антонеску, пытаясь представить его как румынского патриота, стремящегося якобы к защите румынского суверенитета⁵. Она подчеркивала «заслуги» фашистского диктатора, который сохранил связи с английскими правящими кругами. Румынский поверенный в делах в Лондоне Флореску 21 сентября 1940 года сообщил, что Антонеску известен в столице Англии «как самая выдающаяся личность, которая поднимает престиж страны», и что были даны указания английским газетам не занимать враждебной правительству позиции, «пока британские интересы не будут задеты»⁶.

Империалистические круги Соединенных Штатов Америки открыто выражали удовлетворение по поводу установления военно-фашистской диктатуры, надеясь, что она вовлечет Румынию в антисоветскую войну⁷. Газета «Нью Йорк Таймс» описывала Антонеску как спасителя Румынии и утверждала, что вся страна якобы ждала его прихода к власти⁸. Фашистская террористическая «Железная Гвардия» изображалась как организация, преданная интересам румынского народа⁹. В письме из Вашингтона поверенный в делах Румынии фашист Брутус Косте с радостью констатировал, что правительство Соединенных Штатов имеет к Румынии «весьма сочувственное отношение»¹⁰.

Коммунистическая партия Румынии была единственной партией, разоблачавшей гнусную сделку румынской реакции с гитлеровцами. Она

¹ Pe marginea grăpastiei. București, 1941, vol. I, p. 93—94.

² Там же, p. 97.

³ См. письмо Ю. Манну, опубликованное в газете «Universul», 1940, 28 сентября. Еще раньше, 8 сентября, Д. Братиану в той же газете призвал своих сторонников оказать доверие новому строю.

⁴ См. заявление в газете «Universul», 1940, 23 сентября.

⁵ «Times», 1940, 6 и 7 сентября.

⁶ Arhiva MAE, 71/1940, Anglia. Telegrama din Londra, N. 1000, 1940, 21 septembrie.

⁷ По вопросу связи между правительством США и военно-фашистской диктатурой см. нашу статью: «Relațiile guvernului S.U.A. cu regimul fascist din România (Septembrie, 1940 — iunie 1942)» в «Studii», 1958, N 6.

⁸ «New York Times», 1940, 5 и 6 сентября.

⁹ «New York Times», 1940, 7 сентября.

¹⁰ Arhiva MAE, fond 71—1940, SUA, Scrisoarea N 3233, p. 123, 1940, 26 octombrie.

протестовала против предательства национальных интересов руководителями буржуазно-помещичьих партий и раскрыла антинародный характер военно-фашистской диктатуры Антонеску. В документе, датированном 10 сентября 1940 года и озаглавленном «Наша точка зрения», ЦК Коммунистической партии Румынии писал, что боязнь освободительной революционной борьбы трудящихся заставила буржуазно-помещичьи партии поддержать и участвовать в происшедшем перевороте и в установлении диктатуры Антонеску, так как они боялись, что королевская диктатура, столь ненавистная народу, не будет в состоянии задерживать приближающийся подъем революционного движения¹. КПП указывала, что основной причиной сговора является страх перед движением народных масс, все более убеждающихся, что фашизм означает потерю национальной независимости и ухудшение условий жизни трудящихся. Партия призывала народные массы к борьбе за свержение военно-фашистской диктатуры.

Коммунисты предупреждали румынский народ, что цель установления военно-фашистской диктатуры состоит в превращении страны в плацдарм для антисоветских военных провокаций.

Жесточайший полицейский террор и внутренние слабости КПП не позволили в тот период сплотить народные массы и свергнуть ненавистный строй.

Военно-фашистская диктатура, установленная в Румынии в сентябре 1940 года, явилась плодом сговора между румынскими эксплуататорскими классами и гитлеровскими правителями. Доминирующая роль в ее установлении и в определении ее политики принадлежала гитлеровцам. Из-за страха перед революционной борьбой масс трусливая и жестокая румынская буржуазия и помещики согласились со всеми требованиями немецких монополистов, ликвидировали остатки гражданских прав, а затем толкнули страну в пропасть антисоветской войны.

Не имеющие достаточного политического опыта народные массы были введены в заблуждение демагогической пропагандой железногвардейских главарей и фашистского генерала Антонеску. Героическая борьба КПП на том этапе не увенчалась успехом. Предстояли новые тяжелые битвы, которые возглавила Коммунистическая партия Румынии. В благоприятных условиях, созданных стремительным наступлением Советской Армии, народное вооруженное восстание 23 августа 1944 года привело к свержению фашистского ига.

Б. М. КОЛКЕР

ДИН ИСТОРИЯ СТАБИЛИРИИ ДИКТАТУРИИ МИЛИТАРЕ-ФАСЧИСТЕ ЫН РОМЫНИЯ

(сентябрь 1940)

Резюме

Ын артиколул де фацэ ауторул ынчаркэ сэ арэте карактерул комплотист, антипопулар ал диктатурии милитаре-фасчисте, сэ анализезе ситуация ын каре еа а фост стабилитэ ши сэ пречизезе ролул Жерма-

¹ См. Buletin științific. Academia Republicii Populare Române. București, 1948, t. I, p. 3.

нией хитлеристе ши ал черкурулор кондукэтоаре ромынешть ын инстураря ей.

Фолссинд материалеле публикате, прекум ши о серие де материале луате дин архивеле ромынешть; ауторул ажунже ла конклузие, кэ диктатура милитарэ-фасчистэ а фост родул унуй комплот ынтре класеле експлоататоаре ромыне ши капий хитлеришть. Де фрикэ фацэ де лупта революционарэ а маселор, бургезия ши мошиерий ромынь ау кэзут де акорд ку тоате претенциле монополиштилор хитлеришть, ау ликидат тоате рэмэшицеле дрептурулор чивиле, яр апой ау ымпинс цара ын прэпастия рэзбоюлуй антисоветик.

Неавынд дестулэ експериенцэ политикэ, маселе популяре ау фост индусе ын ероаре де пропаганда демагожикэ а кэпетенилор гардисте ши де кэтре женералул фасчист Антонеску. Лупта еронкэ а ПКР ын ачастэ периодаэ н'а авут сукчес.

Ынчепяу ной лупте греле, пе каре ле-а кондус ПКР. Ын кондициеле фаворабиле, креате де ынантаря фулжерэтоаре а Арматеи Советиче, еле ау адус ла рэстурнаря жугулуй фасчист ла 23 август 1944.

Е. Е. ЧЕРТАН

РУССКИЕ РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ДЕМОКРАТЫ И ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ О ПРОБЛЕМЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ МОЛДАВИИ И ВАЛАХИИ И ИХ БОРЬБЕ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ

Исследование вопроса о роли России в образовании единого и независимого румынского государства весьма актуально. Уже более века в буржуазной исторической литературе, начиная от французской и румынской буржуазно-дворянской и кончая современной историографией США, усиленно распространяется «точка зрения» о якобы решающей роли, которую сыграли западные державы в деле объединения Молдавии и Валахии и их освобождения от турецкой зависимости, и о враждебном будто бы отношении России к образованию единого и независимого румынского государства¹.

В последнее десятилетие указанные измышления буржуазной историографии получили достойный отпор со стороны советских историков² и историков Румынской Народной Республики³. Однако главное внимание при этом уделялось исследованию позиции русских правящих кругов и дипломатическим акциям русского правительства в румынском во-

¹ M. Emmerit. Victor Place et la politique française en Roumanie à l'époque de L'Union. 1931, p. 15—16; Fr. Charles—Roux. Alexandre. Gortchakoff et Napoleon III. Paris, 1913, p. 233—236; Jaques Droz. Histoire diplomatique de 1648 à 1919. Paris, 1952, p. 391; Robert Mautran. Histoire de la Turquie. Presses universitaires de France. Paris, 1961, p. 99—100; Gh. I. Brătianu. Politica externă a lui Cuza-Vodă și dezvoltarea ideii de unitate națională. București, 1932, p. 143; R. Bossy. La diplomatie russe et L'union des Principautés roumaines (1858—1859). D'après la correspondance Gortchakoff-Giers. «Revue d'histoire diplomatique», Paris, 1962, p. 255—256; B. Jelavich. Russia and the Rumanian National Cause, 1858—1859. «Slavic and East-European Series», vol. XVII, Indian University Publications, 1959.

² В. Н. Виноградов. Россия и объединение румынских княжеств. М., 1961; его же. Французская дипломатия и проблема объединения румынских княжеств в 1856—1859 гг. «Французский ежегодник», 1959. М., 1961; Ф. П. Гинзбург. Внешняя политика России в Дунайских княжествах Молдавии и Валахии в период борьбы за их объединение (1856—1859 гг.). Канд. дисс. М., 1953; Н. К. Головки. Историческая роль России в освобождении Румынии от турецкого ига. Канд. дисс. Киев, 1956; М. М. Залышкин. Внешняя политика Румынии накануне войны за независимость. «Новая и новейшая история», 1962, № 2; его же. Политика нейтралитета правящих кругов Румынии в 1875—1876 гг. Вестник МГУ, 1957, № 3; С. И. Самойлов. Освобождение Румынии от турецкой зависимости в результате русско-турецкой войны 1877—1878 годов. «Вопросы истории», 1959, № 2.

³ M. Roller. Unirea Principatelor și Rusia. «Probleme de istorie». București, 1949; P. Constantinescu-Iași. O prietenie de veacuri. Scurt istoric al relațiilor dintre popoarele romîn și rus, București, 1957; N. Corivan. Lupta diplomatică pentru recunoașterea dublei alegeri a lui A. I. Cuza; D. Berindei. Lupta diplomatică a Principatelor Unite pentru desăvirșirea Unirii. «Studii privind Unirea Principatelor». И. Чуботару. Борьба румынского народа за национальную независимость и румыно-русское военнополитическое сотрудничество (1875—1878 гг.). Канд. дисс. М., 1959.

просе и в значительно меньшей степени рассматривалось отношение русского прогрессивного общества к объединению Молдавии и Валахии и их борьбе за независимость.

В настоящей статье делается попытка восполнить до некоторой степени имеющийся пробел и рассмотреть отношение русского прогрессивного общества и в первую очередь русских революционных демократов к образованию единого и независимого румынского государства. Исследование этой темы позволит также полнее осветить взгляды русских революционных демократов по национальному вопросу, конкретизировать их на примере еще одной страны — Румынии.

* * *

Борьба Молдавии и Валахии за объединение и освобождение от турецкой зависимости вызвала живой интерес у прогрессивных кругов русского общества, в первую очередь у русских революционных демократов. Это объясняется прежде всего их глубоким сочувствием национально-освободительному движению народов.

Третья четверть прошлого столетия являлась периодом национальных движений и национально-буржуазных революций в Европе. Битвы отрядов Гарибальди в Италии, подъем национально-объединительного движения в Германии, упорная борьба венгров, славян и трансильванских румын против габсбургского владычества привлекали к себе внимание всех прогрессивных людей Европы. В середине 60-х гг. зарево пожаров национально-освободительной борьбы охватило Балканский полуостров. В 1866 году вспыхнуло восстание на острове Крит. В этом же году европейская дипломатия была вынуждена усиленно заниматься «разрешением» вопроса о том, быть ли объединенным Дунайским княжествам или вернуть их в прежнее положение раздельного существования двух государств: Молдавии и Валахии. Усиленно готовились к борьбе с Турцией Сербия и Болгария. Таким образом, вопросы национально-освободительного движения были чрезвычайно злободневными. Русские революционные демократы не могли на них не откликнуться.

Кроме того, социальные задачи, стоявшие перед Молдавией и Валахией в рассматриваемый нами период, совпадали с задачами, стоявшими перед Россией. Чернышевский, Добролюбов и Герцен использовали румынский материал, чтобы высказать свои мысли относительно будущего экономического и политического развития России, доказать необходимость отмены крепостного права и облегчения участи русского крестьянства. В связи с этим в русской демократической печати и в работах революционных демократов появлялись статьи, которые затрагивали отдельные стороны жизни Молдавии и Валахии, в том числе борьбу румынского народа за объединение и независимость.

Следует, однако, отметить, что Чернышевский, Добролюбов и Гер-

Об этом свидетельствует, например, высказывание Н. Г. Чернышевского из его рецензии на статью журнала «Сельское благоустройство» под названием «О положении крестьянского сословия в Молдавии, о занятиях нынешнего молдавского дворянства по предмету освобождения крестьян»: «Думаем, что из сей статьи мы сможем для себя извлечь несколько полезных предостережений и уроков. Дай бог, чтобы наши комитеты не презрели плодов опытности соседних стран, чтобы они все более и более убеждались в необходимости для крестьян прочной, в собственности переходящей оседлости и чтобы паче всего они воздержались от наложения на одно сословие в пользу другого обязанностей многосложных, не строго определенных». (Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений, т. V, стр. 819);

цен не занимались специально изучением истории Румынии. Они высказывали свои взгляды в связи с тем или иным наиболее значительным событием из истории этой страны.

В отличие от русского царизма, рассматривавшего вопросы объединения и завоевания независимости Дунайских княжеств с точки зрения своих корыстных интересов и усматривавшего в происходящих политических изменениях в Молдавии и Валахии только способ ослабления Оттоманской империи, уменьшения влияния Австрии и Англии и усиления своих позиций в Дунайских княжествах, передовые круги русского общества, в первую очередь русские революционные демократы, подходили к событиям в Молдавии и Валахии прежде всего с точки зрения интересов румынского народа и европейского революционного движения. Они тесно связывали вопрос о создании единого и независимого румынского государства с проведением аграрных преобразований.

Еще до объединения Дунайских княжеств в 1858 году, Чернышевский отмечал в «Современнике», что крепостное право в Молдавии изжило себя, что оно не только ставит крестьян в невыносимое положение, но и тормозит развитие производства. «Теперь весьма многие сознают в Молдавии, что как для помещиков, так и для крестьян всего лучше было бы окончательно развязаться с обязательными своими отношениями»¹, — писал Чернышевский.

Интерес русских революционных демократов к событиям в Дунайских княжествах еще больше возрос после того, как в январе 1859 года был сделан первый значительный шаг на пути к объединению Молдавии и Валахии в результате двойного избрания Александра Кузы. Не случайно уже во втором обзоре международных событий за 1859 год, помещенном в феврале в редактированном Чернышевским разделе «Политика» журнала «Современник», уделяется столь большое внимание январским событиям в Дунайских княжествах: «Ионический вопрос мало кого занимал, кроме самих ионийцев и англичан, — писал Чернышевский. — Но внимание целой Европы было обращено на события в жизни двух других племен, сербского и валахо-молдавского»².

Обладая очень скудными сведениями, приводимыми русской и зарубежной прессой, и будучи скованным цензурой, Чернышевский все же сумел дать в целом правильную оценку событиям в Дунайских княжествах. Он целиком и полностью был на стороне молдаван и валахов, борющихся за объединение Дунайских княжеств. «Россия сочувствовала желанию румынского племени соединиться в одно государство. Симпатия легко переходит в надежду»³, — писал Н. Г. Чернышевский.

Однако в отличие от русской либерально-крепостнической прессы, которая также с сочувствием относилась к объединению Дунайских княжеств, но возлагала все надежды на разрешение румынского вопроса европейской дипломатией⁴, Н. Г. Чернышевский подчеркивал, что эти надежды являлись простым «самообольщением», что в результате вмешательства иностранной дипломатии «единство Молдавии и Валахии было дано только по имени»⁵.

¹ Н. Г. Чернышевский. Указ. соч., т. V, стр. 819.

² Там же, т. VI, стр. 106.

³ Там же.

⁴ «Русский вестник», январь 1859; «Современная летопись», стр. 61—62; «Одесский вестник», № 10. «Journal de Saint-Petersbourg», № 19, 1859, 24 janvier (5 fevrier); № 21, 1859, 27 janvier (8 fevrier).

⁵ Н. Г. Чернышевский. Указ. соч., т. VI, стр. 106.

Всем ходом изложения материала вождь русской революционной демократии подводил читателя к мысли, что не дипломатия, а народные массы сыграли решающую роль в осуществлении первого шага на пути объединения Молдавии и Валахии — двойного избрания Александра Кузы. Он подчеркнул всю сложность внутреннего и международного положения Дунайских княжеств накануне этого события. Н. Г. Чернышевский разоблачил враждебную позицию Австрии и Турции в отношении объединения Молдавии и Валахии, показал, что эти державы предлагали «всевозможные усилия», чтобы не допустить в парламенты людей «национальной партии», пытались оккупировать Дунайские княжества в ответ на двойное избрание А. Кузы¹.

Переходя к характеристике внутреннего положения в стране, он отметил, что депутаты валашского парламента, «избранные под влиянием интриг и насилий Турции», не сочувствовали национальному желанию. «Интриганы» и «реакционеры» не постеснялись «употребить войска для обеспечения своей победы на выборах». Чернышевский показал, что в этих сложных условиях народные массы решили исход событий: «Население Бухареста обступило войска и потребовало, чтобы они удалились»². Власть вынуждена была удовлетворить это требование. «Энтузиазм окружающего их народа» вынудил некоторых реакционных депутатов отказаться от своего звания. Подробно описанные действия В. Боереску и других прогрессивных членов Национального собрания автор объясняет тем, что они прониклись «национальными пожеланиями». Победа сторонников объединения была закреплена «неописуемым восторгом», который охватил толпившийся на площади народ при известии о двойном избрании Александра Кузы³.

Таким образом, в работах Н. Г. Чернышевского впервые в русской литературе был сформулирован вывод о решающей роли народных масс в двойном избрании Александра Кузы. В этом смысле Чернышевский стоял на голову выше русских буржуазно-дворянских публицистов и историков⁴.

Выступления Чернышевского за социальные преобразования в Румынии, в частности за ликвидацию зависимости крестьян от помещиков, и признание решающей роли народа в борьбе за объединение Дунайских княжеств доказывают, что русский революционный демократ являлся сторонником объединения Молдавии и Валахии «снизу», на демократической основе. Это соответствовало его революционно-демократической концепции по национальному вопросу, о чем свидетельствуют его высказывания в пользу революционного пути объединения Италии и Германии⁵.

Признавая за народными массами решающую роль в образовании единого румынского государства, Чернышевский в то же время не игнорировал заслуг отдельных исторических личностей в объединении Молдавии и Валахии. Он давал высокую оценку Александру Кузе, отметив, что на него «вполне могла положиться нация, желавшая соеди-

¹ Правда, Чернышевский не отметил враждебной позиции Англии в отношении объединения Молдавии и Валахии. По-видимому, это объясняется отсутствием информации.

² Н. Г. Чернышевский. Указ. соч., т. VI, стр. 107.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 108.

⁵ М. И. Козовой. Н. Г. Чернышевский и вопросы исторического развития Германии. Киев, 1959; Л. И. Нарочницкая. Россия и войны Пруссии в 60-х годах XIX в. за объединение Германии «сверху». М., 1960, стр. 258.

нения», и довольно подробно остановился на деятельности В. Боереску в объединении Молдавии и Валахии.

Чернышевский пытался выявить причины объединения княжеств. Он видел их не только в «национальных чувствах», в стремлении молдаван и валахов к соединению в одно государство, но и в «обстоятельствах чисто материального... даже хозяйственного характера»¹. Хотя в дальнейшем Чернышевский не сумел раскрыть полностью эти «обстоятельства» и фактически свел их к стремлению жителей Молдавии и Валахии избавиться от «турецкого грабежа», все же тот факт, что он искал причины объединения не только в национальном чувстве румын, но и в материальных факторах, свидетельствует о его попытках выйти за рамки идеалистической трактовки событий. Это было одним из тех проявлений «зачатков исторического материализма», которые отмечал В. И. Ленин в работах Н. Г. Чернышевского².

Чернышевский горячо сочувствовал не только стремлению молдаван и валахов к объединению, но и борьбе румынского народа за освобождение от турецкой зависимости. Он исходил из того, что все народы имеют безусловное право «устраивать свою судьбу, как им угодно»³.

Наиболее полно Чернышевский показал необходимость и неизбежность распада Турецкой империи в работе «Рассказ о Крымской войне (по Кинглеку)». Находясь в заключении в Петропавловской крепости, он, чтобы обойти цензуру, был вынужден в этой работе высказываться намеками в комментариях к переводимому им сочинению английского историка Кинглека: «Вопрос о ближайшем будущем турецкого племени в Европе — вещь, не подлежащая никакому сомнению, — писал Чернышевский. — Турки в Европе чисто то же, что дешт-кипчакская власть над Москвою, Тверью, Рязанью в начале царствования Иоанна III. Она не может продолжаться и двух лет без охранения запретительным голосом других европейских властей»⁴.

Подчеркивая полное разложение, которое переживала Османская империя, Чернышевский с удовлетворением отмечал, что «теперь и Западная Европа почти согласилась, что кризис был близок». И тут же он высказал свое полное сочувствие освобождению народов от турецкого гнета: «Наше чувство был далеко не беспристрастно: мы симпатизировали турецким славянам»⁵.

Было бы ошибочно, однако, сделать из этого высказывания вывод, что Чернышевский являлся сторонником освобождения только славян от турецкого гнета. Указывая на компактность расселения народов в юго-восточной Европе как на одну из предпосылок, облегчающих их освобождение от турецкой зависимости, Чернышевский писал: «В Европейской Турции каждое племя плотно округлено, неразрывною массой сплошь занимает свою землю. На север от Дуная — одни валахи, на юг от Дуная, на западе — одни сербы, на востоке — одни болгары; южнее сербов — одни арнауты, южнее болгар одни греки. Все края и грани разлома так ясны и чисты, как нельзя лучше»⁶. Указание Чернышевского на «края и грани разлома» не оставляет сомнения в том, что он

¹ Н. Г. Чернышевский. Указ. соч., т. VIII, стр. 438.

² В. И. Ленин. Философские тетради. Госполитиздат, 1947, стр. 5.

³ Н. Г. Чернышевский. Указ. соч., т. VIII, стр. 628.

⁴ Там же, т. X, стр. 302.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

приветствовал освобождение всех названных народов, в том числе и румынского, от турецкой зависимости.

Н. Г. Чернышевский считал, что каждый из этих народов имеет право образовать отдельное самостоятельное государство. Для высказывания этой мысли он, чтобы обойти цензуру, воспользовался содержанием бесед Николая I с английским послом в Петербурге Сеймуром, которые они вели накануне Крымской войны. Упомянув о предложении царя обратить «в самобытные государства по границам национальностей все области между Россией и окрестностями Константинополя и опустив ту часть предложения Николая I, в которой он говорил, что эти государства должны находиться под его протекторатом, Н. Г. Чернышевский заявил: «Само собою, против этого никто не может сказать ничего»¹, то есть объявил себя сторонником образования независимых национальных государств на территории Османской империи.

Наконец, Чернышевский высказал свое мнение относительно способа освобождения угнетенных народов из-под власти Турции. В отличие от русской либеральной печати, предоставляющей решение восточного вопроса европейской дипломатии, Чернышевский считал, что народы юго-восточной Европы могут освободиться от турецкой зависимости лишь в результате борьбы против Порты. В связи с этим он уделял большое внимание освещению национально-освободительного движения в юго-восточной Европе. Чернышевский отметил, что с 20-х гг. XIX века оно значительно усилилось. Особый размах это движение получило в 1848 году, когда, помимо национального, оно приобрело социальный характер. Чернышевский подчеркнул, что в 1848 году «без австрийского и русского охранения султан переехал бы жить в Эрзерум или Бруссу»².

Вместе с тем в статье «Возвращение князя Милоша Обреновича в Сербию» он пришел к выводу, что в отличие от австрийских славян, которые могли изменить свои отношения с сюзереном лишь вследствие «событий вроде происшествий 1848 г.»³, то есть в результате революции, «турецкие славяне», под названием которых он подразумевал, как мы уже отмечали, все угнетенные Османской империей народы, могли добиться независимости и в результате совместной национально-освободительной борьбы против Турции.

В связи с этим Чернышевский придавал большое значение национально-освободительному движению в юго-восточной Европе, считал, что такие события, как возвращение Обреновичей в Сербию и двойное избрание Александра Куза, свидетельствуют о «развитии в христинских жителях Турецкой империи стремления к соединению в свободное государство на развалинах турецкой державы» и приближают «эти племена к давнишней цели их пламенных желаний»⁴. Он рассматривал усиливающиеся связи между балканскими народами как предпосылку их освобождения от Турции: «В чувствах, с которыми было принято сербами возникновение национального правления в Сербском княжестве, надобно видеть лучший залог возможности удовлетворительной развязки натянутого положения дел в христианских областях Европейской Турции. По-видимому, они понимают, что должны действовать дружно и что фе-

¹ Н. Г. Чернышевский. Указ. соч., т. X, стр. 316.

² Там же, стр. 302.

³ Там же, т. V, стр. 642.

⁴ Там же, т. V, стр. 642.

дерация их разных племен — необходимое условие для приобретения и сохранения их свободы»¹.

Таким образом, являясь, как правило, сторонником образования самостоятельных государств, Чернышевский в отдельных случаях считал, что для успешной борьбы против более сильного врага народы, находящиеся под властью Османской империи, должны были добровольно объединиться в федерацию. Но он был ярким противником славянофилов, проповедовавших объединение славянских народов под эгидом царской, крепостнической России. Русский революционер-демократ считал, что это приведет к усилению царского правительства — оплота реакции, опасался перенесения абсолютистских и крепостнических порядков на другие страны.

Свое отношение к объединению румынских княжеств высказал и соратник Чернышевского Н. А. Добролюбов. В 3-м номере «Современника» за 1859 год была опубликована его рецензия на вышедшую незадолго до этого книгу известного историка-слависта С. Н. Палаузова, посвященную истории княжеств². Хотя Н. А. Добролюбов и был скован тем материалом, который приводил С. Н. Палаузов в своей работе, он все-таки сумел использовать находящиеся в указанной монографии факты для высказывания своей революционно-демократической концепции в отношении образования единого и независимого румынского государства.

Н. А. Добролюбов рассматривал объединение Молдавии и Валахии и завоевание ими независимости как следствие «исторического развития обоих народов, столь тесно связанных в своем политическом существовании»³.

Из многочисленных событий истории Дунайских княжеств, приведенных С. Палаузовым, Н. А. Добролюбов останавливается главным образом на тех, которые свидетельствовали об упорной и непрерывной борьбе молдаван и валахов за объединение и освобождение от турецких поработителей. При этом подбор фактов в рецензии наталкивал читателя на мысль, что Добролюбов не отделял национального вопроса от социального и рассматривал уничтожение национального угнетения в тесной связи с улучшением положения трудящихся. Он давал положительную оценку тем господам, борьба которых за освобождение от турецкой зависимости приводила к улучшению положения народа Дунайских княжеств, и с глубокой ненавистью относился к ставленникам Порты, заботящимся только о личном обогащении в результате угнетения своих подданных.

Большое место в рецензии уделено, например, упорной борьбе валахского князя Михая Храброго за свержение турецкого ига. Добролюбов при этом противопоставлял Михая предыдущим «жестоким господам», которые «терзали Валахию в течение двух столетий». Именно

¹ Н. Г. Чернышевский. Указ. соч., т. V, стр. 642—643.

² С. Н. Палаузов. Румынские государства Молдавия и Валахия в историко-политическом отношении. СПб., 1859. Работа была напечатана впервые в 1858 г. в журнале «Отечественные записки». В 1859 г. она вышла отдельным изданием в Петербурге. Сам факт появления работы и в журнале и отдельной книгой говорит об огромном интересе русского общества к событиям в Дунайских княжествах.

Основанная на широком круге источников, работа приводила большой фактический материал по истории княжеств, но трактовка событий не отличалась от той, которая давалась в исследованиях русских буржуазно-дворянских историков по истории Дунайских княжеств.

³ Н. А. Добролюбов, Полное собрание сочинений в девяти томах, т. IV, стр. 250.

поэтому, по его мнению, «у народа валахского связаны самые светлые воспоминания»¹ с этим господарем. Хотя Добролюбов, располагая лишь фактами, приведенными Палаузовым, не сумел дать всестороннюю оценку социальной политике Михая Храброго и не отметил его мероприятия по закреплению крестьян, он правильно охарактеризовал последствия борьбы Михая против Турции, указав, что эта борьба привела к некоторому улучшению положения народа княжеств ввиду освобождения от уплаты тяжелой дани Порте. Положительно отзываясь Добролюбов и о династии Кантемиров, которая «пыталась было оживить» Молдавию².

Зато он подвергает суровому осуждению «малодушного воеводу» Петра Арона, который, «устрашенный передвижениями турецких войск в Болгарию», согласился платить султану дань³. Особую ненависть Н. А. Добролюбова вызывали фанариоты, чье правление «окончательно иссушило последние соки несчастных господарств»⁴. Поэтому он приветствовал приход к власти туземных князей после восстания Тудора Владмиреску. Особенное одобрение Добролюбова вызвали попытки господаря Григория Гики «одушевить народное направление в образовании»⁵. Александра Гику он одобрял за освобождение цыган, хотя тут же заметил, что это освобождение «не было достаточным: цыганам не было предоставлено ни клочка земли, и материальный быт их сделался еще хуже». Добролюбов положительно отзывался и о Миханле Стурдзе, освободившем монастырских цыган⁶.

Особое место в рецензии уделено событиям 1848 года в Дунайских княжествах. При этом Н. А. Добролюбов противопоставлял либералам Молдавии, которые «долго спорили и шумели, но ограничились составлением умеренного адреса господаря», решительные действия революционеров Валахии, которые опирались на народные массы, что и обеспечило изгнание реакционного господаря Бибеску⁷.

Рассматривая историю Молдавии и Валахии, Н. Добролюбов в отличие от русской либеральной и крепостнической прессы не возлагал надежды на разрешение румынского вопроса европейской дипломатией. Он глухо давал читателю понять, что для удовлетворения желания народа, требовавшего объединения Дунайских княжеств и освобождения их от турецкой зависимости, следует искать иные пути, а не надеяться на конференции держав: «Парижскими конференциями сделан только шаг к соединению княжеств. Окончательное же соединение их в одно независимое государство осталось по-прежнему желанием народа... ныне еще раз обнаружившимся в избрании одного господаря для обоих княжеств. Это последнее обстоятельство, не предвиденное на парижских конференциях, составило новый, еще доселе неразрешенный вопрос для европейских кабинетов...»⁸.

Аналогичную позицию в вопросе объединения Молдавии и Валахии и завоевания ими независимости занял и А. И. Герцен. В его революционно-демократическом мировоззрении главное место занимали ос-

вободительное движение и крестьянский вопрос в России. Это были наиболее острые проблемы русской действительности.

Но А. И. Герцен интересовался также историей других стран и, в частности, широко распространенным национально-освободительным движением в Европе. Его взгляды в данной области составляют неотъемлемую часть его революционно-демократического мировоззрения. Известен цикл его статей, посвященный национально-освободительному движению в Польше и славянских странах, а также отдельные высказывания относительно борьбы других народов за независимость. Определенное внимание Герцен уделил борьбе румынского народа за объединение Молдавии и Валахии и их освобождение от турецкого гнета.

Герцен, как и Чернышевский и Добролюбов, был против широко распространенного в тот период гегельяно-идеалистического деления народов на «избранные» и «неизбранные» и считал, что каждая нация, большая или малая, имеет право решать самостоятельно все вопросы своего государственного существования.

В статье «Россия и Польша», написанной в 1859 году, Герцен решительно высказался против вмешательства европейских держав во внутренние дела румынского народа, полагая, что последний сам должен определить свою судьбу. «Но скажите, что же мы за наследники венского конгресса, что будем расписывать, какая земля куда принадлежит, не спросив людей, на ней живущих. Да ведь так парижские дипломаты недавно совещались о том, что следует желать и чего не следует желать руманам в Молдо-Валахии»¹, — язвительно замечает он.

В 1864 году Герцен вновь резко выступил против всех попыток европейской дипломатии считать Молдавию и Валахию разменной монетой в своей дипломатической игре: «...дипломаты в затруднении кому отдать Молдавию, кому Валахию, одни думают, нельзя ли выменять Венецию на Бухарест, Мексику на Яссы, точно мы еще живем между Вестфальским миром и Венским конгрессом»².

Таким образом, Герцен был за самостоятельное решение румынским народом всех вопросов, касающихся его государственности. В тех условиях это означало удовлетворение желания румынского народа относительно объединения Молдавии и Валахии и завоевания ими независимости.

Вместе с тем Герцен связывал вопросы национального объединения и освобождения народов от чужеземного гнета с революционным движением, мечтал о национальном освобождении народов Европы при помощи революции. При этом великий русский революционер-демократ считал, что на востоке Европы существует гораздо больше возможностей для революционного преобразования общества, чем на западе: «...мы с вновь разбуженным ожиданием смотрим на соплеменный нам восток Европы, и снова будто слышится, как расседает и трещит штучная венская империя, как двигается и закипает славянский мир... Мечты 1848 года! Да мечты... Но «еще одно сказание» и мечты 1848 г., обогнув трех гордых стариков цивилизации³, осуществляются от Мессинского про-

¹ Н. А. Добролюбов. Указ. соч., стр. 252.

² Там же, стр. 251.

³ Там же, стр. 250.

⁴ Там же, стр. 251.

⁵ Там же, стр. 253.

⁶ Там же, стр. 254.

⁷ Там же, стр. 254, 255.

⁸ Там же, т. IV, стр. 258.

¹ А. И. Герцен. Полное собрание сочинений в тридцати томах, т. XIV, стр. 21.

² Там же, т. XVIII.

³ Герцен имеет в виду Англию, Францию и Германию.

лива до Дуная и Вислы — до Волги и Урала... 1848 год не умер, он переехал на другую квартиру»¹.

«Другой квартирой» 1848 года была, по Герцену, Восточная Европа, в частности Россия и Объединенные княжества. В 1865 году в «Письмах к путешественнику» Герцен подчеркивал, что в таких странах, как Россия и Румыния, существуют более благоприятные условия для «экономического переворота» (т. е. для изменения социально-экономического строя. — Е. Ч.), чем в западных странах. «Чем прочнее и больше выработаны политические формы, законодательство, администрация, чем дороже они достались, тем больше препятствий встречает экономический переворот. Во Франции и Англии ему представляется больше препятствий, чем в России, чем в Молдавалахии»². Пристально следя за обострением социальных противоречий в Молдавии и Валахии, Герцен выступил против реакционных требований русской либеральной печати, призывавшей царизм к борьбе с «революцией» в Румынии³. Особое значение он придавал проведению демократической крестьянской реформы в румынских княжествах. Получив из Румынии брошюру мелкого помещика Рошковского, в которой автор выступал как против крупных бояр, сторонников освобождения крестьян без земли, так и против проекта реформы Михаила Когыльничану, Герцен писал: «С благодарностью, искренней и братской, принимаем мы этот знак сочувствия к началам, которые мы проповедали всю жизнь»⁴.

Таким образом, Герцен, так же как и Чернышевский, являлся сторонником объединения румынских княжеств «снизу», на демократической основе; он тесно связывал решение национального вопроса с проведением социальных преобразований в стране.

Вместе с тем он полагал, что разделение человечества на многочисленные мелкие государства является лишь тормозом общественного развития, и выдвигал идею их объединения в федерации на основе добровольности и равенства всех входящих в нее наций. Одним из возможных вариантов такой федерации Герцен считал Дунайскую и Карпатскую федерацию⁵. Хотя он полагал, что в эту федерацию войдут, в основном, славянские страны, но поскольку он локализовал ее в районе Дуная и Карпат, то можно предположить, что он допускал вхождение в нее румынского народа. За это говорит и опубликование в герценовском «Колоколе» воззвания всеславянского общества, в котором предлагалось образовать федерацию стран юго-восточной Европы, куда вошла бы и Румыния⁶.

В то же время Герцен был против планов славянофилов, предусматривающих организацию указанной федерации под руководством реакционной царской России: «...мы с внутренней болью читаем в иностранных журналах о каком-то великом и сбыточном плане образовать, под опекой России, дунайское союзническое государство, которое примыкало бы к вольному городу Константинополю»⁷.

Русская демократическая печать также приветствовала объединение Молдавии и Валахии и завоевание ими независимости. Это видно из

¹ А. Герцен. Указ. соч., т. XVI, стр. 16.

² Там же, т. XVIII, стр. 381.

³ Там же, т. XIX, стр. 63—64, 119.

⁴ Там же, т. XVIII, стр. 265.

⁵ Там же, т. XIX, стр. 41.

⁶ «Колокол». Факсимильное издание, вып. V. М., 1962, стр. 1168.

⁷ А. И. Герцен. Указ. соч., т. XIX, стр. 226.

статей о положении в Румынии, помещенных в 1866 году в журнале «Современник». Известно, что в указанный период журнал переживал очень трудное время. В 1862 году после ареста Чернышевского издание «Современника» было приостановлено. С большим трудом Н. А. Некрасову удалось добиться разрешения на продолжение издания в 1863 году. Однако журнал находился под особым надзором правительства. На него, как из рога изобилия, сыпались репрессии, его статьи безжалостно кромсались цензурой. И все же в этой обстановке Э. К. Ватсон, автор политического обзора, опубликованного во втором и третьем номерах «Современника» за 1866 год, сумел с демократических позиций подойти к трактовке событий в Румынии. Касаясь попыток европейской дипломатии разрешить вопрос о румынских княжествах в 1866 году, «Современник» писал: «Дунайские княжества все еще продолжают ожидать, что европейская дипломатия согласно со своими намерениями и обещаниями сделала что-нибудь для устройства судьбы их. В ожидании решений конференции (Парижской конференции 1866 г. — Е. Ч.) в княжествах, как того и следовало ожидать, начались волнения и интриги, чего бы, конечно, можно было избежать, если бы населению княжеств представлена была возможность самому устроить свою судьбу»¹. Таким образом, Э. К. Ватсон, так же как и Чернышевский и Добролюбов, считал, что не европейская дипломатия, а народы Молдавии и Валахии должны определить свою судьбу, решить вопрос о политическом устройстве Дунайских княжеств.

Ватсон придает большое значение роли народных масс в происшедших в Объединенных княжествах исторических событиях и переменах. Двойное избрание Александра Кузы было закреплено тем, что оно получило поддержку со стороны «населения» Молдавии и Валахии. «Положение Кузы на молдаво-валахском престоле должно было казаться вполне упроченным, в особенности если принять в соображение тот энтузиазм, с которым отнеслось к его избранию население княжеств»². Ватсон отметил существенную роль, которую сыграли народные массы в проведении государственного переворота и плебисцита 1864 года. «Нация одобрила посредством 713 285 голосов государственный переворот, произведенный князем (1864 г.)... в то время князь Куза еще не вполне утратил в низших классах народа ту популярность, которой он пользовался в начале своего управления»³.

Однако в дальнейшем Куза, вместо того чтобы опереться на массы, стал «заботиться только о том, чтобы ввести у себя в княжествах управление, скопированное с учреждений второй империи (Французской империи. — Е. Ч.), ввести в стране самый безотчетный империализм⁴, опирающийся на мнимую демократию, укрепить свою власть как относительно различных сословий народа, так и относительно. Порты утвердить наследственную династию»⁵. В целях укрепления своей власти Куза увеличил армию, что потребовало увеличения налогов. Эти мероприятия вызвали недовольство народа правительством⁶ и народные волнения в 1865 году в Бухаресте и Яссах, которые подробно описывались

¹ «Современник», 1866, т. III, стр. 140.

² Там же, т. II, стр. 282.

³ Там же, стр. 282—283.

⁴ По-видимому, господство, диктатуру.

⁵ «Современник», 1866, т. II, стр. 282.

⁶ Там же, стр. 383.

журналом¹. Отсутствие поддержки со стороны народных масс привело к падению Кузы: «...никто не пошевелился для защиты князя, желавшего разыгрывать роль благодетеля его; в городе господствовало всеобщее спокойствие и даже радость»².

Хотя мы и не можем согласиться с той характеристикой, которую дает Ватсон взаимоотношениям Александра Кузы с различными слоями румынского общества, и с его оценкой реакции румынского народа на переворот 11 февраля 1866 года, но в высказываниях автора обзора ценной является его попытка объяснить все события, происшедшие в период правления Кузы, действиями народных масс. Вместе с тем Э. К. Ватсон проявил ограниченность, не сумев дать правильную оценку сепаратистским тенденциям, возникшим в 1866 году в некоторых кругах Молдавии, и раскритиковать отрицательное значение призыва иностранного князя в Румынию.

Русский демократический журнал «Русское слово» также благоприятно относился к объединению румынских княжеств. Правда, в 1859 году, когда журнал еще редактировался либералом Кушелевым-Безбородко, в нем была напечатана статья Р. Орбинского, в которой содержались высказывания, полные барского пренебрежения к румынскому народу³.

Однако в последующие годы изменился состав редакции журнала и соответственно его направление. Он стал выразителем демократических кругов русского общества. В статье «Политика», напечатанной в четвертом номере журнала за 1861 год и подписанной инициалами Г. Б.⁴, приветствуется борьба молдаван и валахов за их объединение.

Автор отмечает, что стремление указанных национальностей к объединению вполне закономерно, «потому что индивидуальная жизнь народов имеет такое же право на уважение, как и индивидуальная свобода отдельного лица». С другой стороны, объединение княжеств позволит «заявить протест против насилия завоевательной системы, всегда более или менее соединенной со всеми последствиями иностранного господства Турции и Австрии»⁵.

Журнал отмечал, что «эти страны довели подвластные им чужие народности почти до самоумерщвления: первая (Турция. — Е. Ч.) путем военного деспотизма и необузданного произвола, вторая (Австрия. — Е. Ч.) посредством искусственно придуманной административной системы»⁶.

«Русское слово» разоблачало также итальянского короля Виктора-Эммануила и его премьер-министра Ратации, которые стремились поднять восстание дунайского населения только для того, чтобы подорвать престиж Гарибальди⁷, и не предлагали изменить положение этих народов.

Журнал делал шаг вперед по сравнению с либеральными и крепостническими изданиями, которые рассматривали вопрос об объединении Молдавии и Валахии только с точки зрения экспансионистских планов русского царизма. «Русское слово» ставило задачу, чтобы разрешение

национального вопроса соединялось с «социальным движением народа», чтобы оно привело к «общественному прогрессу». Это позволило бы добиться свободы слова, материального благосостояния и ликвидации рабства для «всего человеческого семейства».

Вместе с тем, журнал преувеличивал значение «принципа национальностей», выдвинутого Наполеоном III¹.

Таким образом, в отличие от русского царизма, который считал, что румынский вопрос должен быть разрешен европейской дипломатией, русские революционные демократы являлись сторонниками объединения Молдавии и Валахии «снизу», на демократической основе. Они приветствовали также освобождение Румынии от турецкой зависимости. При этом наиболее развернутую революционную программу образования единого и независимого румынского государства дал Н. Г. Чернышевский.

Русская демократическая печать также поддерживала образование единого и независимого румынского государства на демократической основе. Но она делала это менее четко и ясно и не давала ответа на вопрос, каким путем можно этого добиться.

Е. Е. ЧЕРТАН.

ДЕМОКРАЦИИ РЕВОЛЮЦИОНАРЬ РУШЬ ШИ ПРЕСА ДЕМОКРАТЭ ДЕСПРЕ ПРОБЛЕМА УНИРИИ МОЛДОВЕИ ШИ ВАЛАХИЕЙ ШИ ЛУПТА ЛОР ПЕНТРУ ИНДЕПЕНДЕНЦЭ

Резумат

Ын артикол се аратэ, кэ, спре деосебуре де царизмул рус ши преса либералэ ши официалэ, каре привяу кестуниуня формэрий статулуй национал индепендент ромын дин пунктул де ведере ал интереселор лор ынгусте, революционарий демокраць рушь тратау евениментеле дин Молдова ши Валахия, реешинд дин интереселе народулуй ромын ши але мишкэрий революционаре еуропене.

О позиции революционарэ дин челе май консеквенте-окупа ын проблема датэ Н. Г. Чернышевский. Ел пуня формаря статулуй национал индепендент ромын ын стрынсэ легэтурэ ку резолваря проблемелор социале, се пронунца пентру униря «де жос», пе базе демократиче, а Молдовей ши Валахийей, демонстра кэ попареле асуприте де Имперулул Отоман, ын ачел нумэр ши попорул ромын, путяу сэ-шь кучеряскэ индепенденца нумай прин лупта комунэ де елибераре националэ ым-потрива Турцией.

Ын сфыршит, Чернышевский ера уникул дин революционарий демокраць, каре кэута сэ гэсяскэ каузеле унирий Принципателор Дунэрене ын «ымпрежурэрэ де натурэ пур економикэ».

¹ «Русское слово», 1863, февраль, отд. II, Политика, стр. 1—2

¹ «Современник», 1866, т. II, стр. 284—285.

² Там же, стр. 287.

³ «Русское слово», 1859, август, отд. III, Смесь, стр. 4—12.

⁴ По-видимому, Г. Е. Благодетель.

⁵ «Русское слово», 1861, апрель, т. IV, отд. II, Политика, стр. 1—2.

⁶ Там же.

⁷ Там же, 1863, февраль, отд. II, Политика, стр. 14.

А. А. Добролюбов ши А. И. Герцен де асеменя се пронунцау пен-тру резолваря де сине стэтэтоаре де кэтре попурул ромын а тутурор проблемелор привинд организаря де стат а Ромынной, пуняу солуционаря проблемей национале ромыне ын легэтурэ ку кестиуня социалэ.

Формаря статулуй ромын уник ши индипендент ера салутатэ ши де преса русэ демократикэ дин аний 60 ай секолулуй XIX. Ынсэ апречие-риле ауторилор ачестор ревисте ерау май пущин пречисе ши лимпезь ши ну концияу рэспунсурь ла ынтребаря принципалэ: пе че кэй урма са фие резолватэ проблема националэ ромыне.

В. Я. ГРОСУЛ

ДВА НЕИЗВЕСТНЫХ ПРОЕКТА МОЛДАВО-ВАЛАШСКОЙ КОНСТИТУЦИИ

(1828—1829 гг.)

В 1831—1832 гг. под руководством русской администрации, образовавшейся в Молдавии и Валахии с начала русско-турецкой войны 1828—1829 гг., в Дунайских княжествах была введена первая конструкция—Органический регламент¹, оказавший в то время, несмотря на его крепостническую сущность², большое влияние на развитие экономики и культуры этих стран. Органический регламент состоял из множества разделов, посвященных законодательной и исполнительной власти, финансам и армии, просвещению, санитарной службе, устройству городов и т. д.

Введению Органического регламента предшествовало составление ряда проектов преобразований, принадлежавших перу представителей местного боярства и сановников царизма. Некоторые из этих проектов, ранее неизвестные в исторической литературе, представляют несомненный интерес как с точки зрения выявления классовых стремлений их авторов, так и политики русского царизма в Молдавии и Валахии.

После восстаний этеристов и валашских крестьян под руководством Тудора Владимиреску в 1821 году, восстаний, которые привели к падению фанариотского режима в Молдавии и Валахии, сохранение прежних порядков здесь стало невозможным, и необходимость проведения внутренних преобразований стала общепризнанной.

Однако различные слои общества по-разному представляли сущность будущих преобразований и ожидали при этом прежде всего осуществления своих классовых стремлений. Вместе с тем выдвигалась и общенациональная задача — освобождение княжеств от турецкого гнета.

Трудящиеся массы стремились к освобождению от невыносимо тяжелого двойного гнета — национального и социального, о чем свидетельствует их активное участие в событиях 1821 года. Мелкое и среднее боярство рассчитывало путем преобразований добиться не только независимости от Турции, но и некоторого ограничения власти и привилегий крупного боярства. Крупное же боярство, как и господа, каких-либо существенных преобразований в княжествах проводить не жела-

¹ Окончательный проект Органического регламента (или точнее Органических регламентов) был составлен комитетами, состоявшими из крупных молдавских и валашских бояр под непосредственным руководством и наблюдением русского генерала П. Д. Киселева и генерального консула в Молдавии и Валахии Минчаки.

² К. Маркс, оценивая Органический регламент, назвал его «кодексом барщинных работ». К. Маркс. Капитал. К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения, изд. 2, т. 23, стр. 249.

ли. Но будучи напуганными крестьянскими восстаниями и пытаясь предотвратить их в будущем, крупные бояре также заговорили о реформах, решив при этом взять инициативу их подготовки в свои руки и провести такие «преобразования», которые не только не затрагивали бы их политические и экономические интересы, но, напротив, привели бы к укреплению их позиций, пошатнувшихся в результате крестьянских восстаний. Стремления различных группировок крупного боярства нашли свое отражение в ряде проектов преобразования княжеств.¹

Царское правительство, зорко следившее за событиями на Балканах, будучи заинтересованным в ослаблении влияния Турции и в укреплении своих позиций в Дунайских княжествах, поддерживало проведение таких реформ в этих странах, которые привели бы к укреплению их независимости от Турции, а это отвечало и общенациональным интересам народов Молдавии и Валахии.

По настоянию русского правительства Аккерманская конвенция 1826 года включила пункт о необходимости подготовки и введения в Молдавии и Валахии новых законодательных уставов, для чего вскоре и были созданы специальные комитеты из местных бояр. Несмотря на то, что Россия всячески поддерживала деятельность этих комитетов, а ее генеральный консул в Яссах Минчаки принимал в них самое активное участие², вмешательство турок препятствовало их работе, а с началом русско-турецкой войны 1828—1829 гг. деятельность этих комитетов совсем прекратилась.

Дальнейший ход работы над статутом, особенно в начальный период войны, не нашел своего отражения в литературе, что, конечно, не свидетельствует об отсутствии к нему интереса со стороны исследователей. Долгое время поиски в архивах, где хранятся официальные материалы, не увенчались успехом, хотя предположения о наличии таких материалов и высказывались в работах некоторых румынских историков. М. Когыльничану, например, сообщал, что известные в то время выходцы из греческой и местной знати царские сановники — знатоки балканских дел — Каподистрия, Минчаки и А. Стурдза-Бассарабяну³ подготовили инструкции для будущего законодательства в княжествах. В архивных материалах Каподистрия ничего пока не обнаружено, что говорило бы об его участии в подготовке реформ в Дунайских княжествах. Что же касается А. Стурдзы, то в его архивах удалось найти ценные материалы, относящиеся к реформам, готовившимся в Молдавии и Валахии. Архивы этой семьи, переселившейся из Молдавии, находятся в разных местах. Наибольший интерес представляют документы, хранящиеся в Ленинграде и Одессе. В Ленинграде в Институте русской литературы (Рукописном отделе) имеется специальный фонд А. С. Стурдзы (1791—1854 гг.). Уже ознакомление с описью позволяет установить, что А. Стурдза был причастен к мероприятиям, проводившимся в Молдавии и Валахии во время русско-турецкой войны⁴. Непосредственный осмотр дел показал, что М. Когыльничану был прав.

¹ I. C. Filitti. *Frământările politice și sociale în principatele române de la 1821 la 1828*. București, 1932.

² О деятельности Минчаки по подготовке реформ в то время сохранилось немало материалов в советских архивах. См. АВПР, ф. Консульство в Яссах, д. 459; ЦГВИА, ф. 438, д. 111.

³ I. C. Filitti. *Principatele române de la 1828 la 1834*, București, 1934, p. 30.

⁴ ИРЛИ, ф. А. С. Стурдзы (ф. 288), оп. 2, д. 21 б.

А. Стурдза был в числе тех, кто на первом их этапе принял участие в подготовке реформ в княжествах.

В начале войны А. Стурдза прибыл в Дунайские княжества в качестве управляющего походной канцелярией Министерства иностранных дел¹. Одной из его обязанностей, по-видимому, был сбор сведений о положении в княжествах, о требованиях местного населения и в первую очередь боярства. Вероятно ему было поручено представить свои сообщения о будущем устройстве Молдавии и Валахии. В сентябре 1828 года он написал «Проект работы над будущей конституцией княжеств Молдавии и Валахии»², который до сих пор не был известен исследователям.

Рассмотрим, что собой представляет этот документ, каков его характер с точки зрения учета общенациональных интересов княжеств, интересов местного боярства и русского царизма.

Рукопись этого документа, написанного на французском языке, занимает 13 страниц (6,5 листа с оборотом) и состоит из четырех частей. Первая часть посвящена взаимоотношению между княжествами и Турцией. Основными пунктами ее являются: освобождение крепостей, занятых турецкими войсками (подразумеваются крепости на территории Валахии), и предотвращение вторжений турок; полная свобода торговли и ликвидация всех исключительных прав, которыми Порты пользуется при снабжении Константинополя; установление точной дани Турции, которая, однако, не должна взиматься турками на месте, но посылаться через посредство специальных делегаций из молдаван и валахов; установление постоянной санитарной линии, охраняемой национальной милицией и призванной предостеречь княжество от проникновения эпидемий; выборы господаря пожизненно (причем Порты имеет право абсолютного и отсрочивающего вето).

Почти все вышензложенные пункты очень важны с точки зрения общенациональных интересов княжеств. К их осуществлению уже давно стремились жители этих стран. Статья об отмене принудительных поставок Порте и установлении свободы торговли в этом проекте является центральной. Как показала практика, ее осуществление позволило княжествам значительно быстрее развивать свои производительные силы и в первую очередь земледелие. После Адрианопольского мира, отменившего турецкую торговую монополию, в княжествах начинается период более быстрого экономического развития. Через каких-либо 15—20 лет Молдавия и Валахия становятся одним из крупнейших экспортеров зерна в Европе, серьезными конкурентами России. Значительно быстрее развивается мануфактурное производство, растут города и местечки.

В плане укрепления национальной независимости княжеств большое значение имеет также пункт об укреплении пограничной санитарной линии, для охраны которой привлекалась национальная милиция, ставшая затем национальной армией. Эта армия предназначалась не столько для борьбы с эпидемическими заболеваниями, сколько для охраны границ (в первую очередь границ по Дунаю) от возможных нападений турок. Санитарные кордоны и их охрана были, конечно, только ширмой, за которой скрывались истинные цели — охрана границ от ту-

¹ А. Стурдза. Воспоминания о жизни и деяниях графа И. А. Каподистрия, правителя Греции. М., 1864, стр. 199.

² *Projet de travail sur la constitution futur des principautés de Moldavie et de Valachie*. Jassy, sept., 1828. ИРЛИ, ф. А. С. Стурдзы (ф. 288), оп. 2, д. 21б.

рецких нашествий. Русское правительство, которое предлагало включить этот пункт, таким путем стремилось еще больше оторвать княжества от Турции и укрепить их национальную независимость, что отвечало и интересам России.

Вторая часть проекта раскрывает взаимоотношения между княжествами и Россией. Россия гарантирует выполнение трактатов, заключенных между Россией и Турцией, имеет право вмешиваться в дела по выбору государя, а также влиять на заседания Генеральной ассамблеи; господа имеют право посылать своих агентов, которые будут аккредитованы при императорском Министерстве (видимо при Министерстве иностранных дел) в Петербург; молдаване и валахи имеют право владеть недвижимостью в Бессарабии, так же как и бесарабцы — в Дунайских княжествах. Церковная собственность гарантируется светскими властями.

Наибольший интерес, однако, представляет третья часть проекта. Она посвящена организации и реформам внутреннего управления в обоих княжествах. Здесь коротко определяются обязанности государя и ассамблеи (Общего собрания).

Государь — исполнитель законов, он не имеет права устанавливать новые налоги без согласования с Генеральной ассамблеей. Господарю полагается гражданский лист. В состав Генеральной ассамблеи избираются митрополит и другие церковнослужители — сановники первых пяти рангов, а также депутаты от дистриктов, избранные среди земельных собственников; бояр, детей боярских. Ассамблея проверяет правильность сбора налогов и определяет их на будущее время, выделяет господарю гражданский лист. Имея свою специальную комиссию по судебным делам, ассамблея издает гражданские и уголовные законы, определяет жалование общественным служащим. Что касается судебных вопросов, то суд должен проводиться по обычаям страны с учетом изменений, внесенных ассамблеей и получивших санкцию государя. Судебные трибуналы делятся на три инстанции. Издается закон об общем праве гражданства в Молдавии и Валахии. Права и обязанности различных классов подвергаются общему и окончательному пересмотру. Производство в чин совершается по специальному регламенту. Регулируются права иностранцев, торговцев, различных разрядов земледельцев. Определяются права церкви и ее отношения с константинопольским руководством. Разрешается вопрос о школах и семинарах.

В третьей части особый интерес представляет положение об общем и окончательном пересмотре прав и обязанностей различных классов. В проекте после этих слов записано: «Права различных классов (категорий. — В. Г.) земледельцев». Здесь идет речь о крестьянах, вопрос о которых стоял в то время особенно остро. Он нашел свое отражение в законодательстве (Органическом регламенте), принятом несколько позднее. В проекте, к сожалению, имеется только постановка вопроса, но ничего не говорится об его решении. Однако уже сам факт такой постановки является весьма примечательным.

Четвертая часть посвящена взаимным отношениям между Молдавией и Валахией. Предусматривается возможность избрания молдавского боярина валахским господарем, а валахского — молдавским.

Подготавливается конвенция о карантинных и пограничной страже. Между двумя правительствами заранее устанавливается таможенный тариф и денежный курс. Отменяются все права (по-видимому, пошлины. — В. Г.) на товары, курсирующие между Молдавией и Валахией.

Одинаковые полномочия даются представителям княжеств в Константинополе и Петербурге. Заключается соглашение о навигации по Дунаю, которое гарантируется высокими договаривающимися сторонами (то есть Россией и Турцией). В случае серьезных противоречий между двумя странами господа должны прибегнуть к арбитражу и окончательному решению державы-союзнику (Турции) и державы-покровителя (России). Внутренняя охрана и армии Молдавии и Валахии будут определены в строгой пропорции по отношению к протяженности, населению и ресурсам каждой из двух стран. Казус федерис между двумя княжествами будет применен только по отношению к набегам пашей или соседних народов¹.

Таково, в основном, содержание проекта, найденного в бумагах Александра Стурдзы, в свое время довольно близкого приближенного императора Александра I и ревнивого поборника Священного союза². Но в 1828 году он, отнюдь не отказавшись от своих реакционных взглядов, создает проект конституции для Дунайских княжеств. Как видно из его содержания, проект имел несколько источников. Первым из них являлись древние неписанные законы страны, согласно которым, например, государь в прежние времена избирался; вторым — постановления господарей, собраний княжеств (т. е. письменные законы, в согласии с которыми автор и писал проект), трактаты, заключенные между Россией и Турцией; отсюда и право России вмешиваться в дела княжеств; третьим — различные проекты, составленные в княжествах после восстаний 1821 года³; четвертым — «дух времени», если можно так выразиться, влияние буржуазного запада, проявившееся и в том, что господствующий класс лихорадочно искал выхода из создавшегося положения и стремился как-то изменить форму своего господства; пятым — виды русского правительства, личные интересы царского самодержавия, выраженные определенными предписаниями, наставлениями и, конечно, общей политикой России, нашедшей отражение и в предложениях автора проекта, желавшего подчинить политику княжеств России.

В проекте очень часто говорится не как нужно сделать, а что нужно сделать. И это понятно, поскольку, вероятно, именно такая цель была перед ним поставлена. Задача проекта состояла в том, чтобы определить общие направления, которые найдут свою детальную разработку в дальнейшем. Автор пишет, например, что нужно определить права различных классов, но ничего не говорит о том, как это сделать и в пользу кого. И так очень часто. Предполагалось, что эти общие направления будут расшифрованы комиссиями из местных бояр.

Вместе с тем имеется несколько пунктов, которые привлекают своей новизной или особой трактовкой. Здесь нужно отметить в первую очередь четвертую часть проекта, касающуюся отношений между Молдавией и Валахией. В то время не было более подробного и более конкретного предложения, определявшего сближение двух братских стран. Пожелание, чтобы молдавский боярин мог стать господарем Валахии и наоборот,

¹ *Projet de travail sur la constitution futur des principautés de Moldavie et de Valachie*. Jassy, sept., 1828, ИРЛИ, ф. А. С. Стурдзы (ф. 288), оп. 2, д. 216.

² Впрочем, как отмечал Ф. Ф. Вигель, «А. Стурдза не всегда выступал против республики и представительного строя правления. Друг порядка и монархических установлений, он мечтал о республике (в Греции. — В. Г.) под председательством Каподистрия.» (Ф. Ф. Вигель. Записки. М., 1928, т. 2, стр. 226).

³ I. C. Filitti. *Frământările...* — D. Ionescu, G. Țuțui, G. Matei. *Dezvoltarea constituțională a Statului Român*, București, 1957.

рот, впоследствии, через 30 лет, нашло свое осуществление. Именно таким путем произошло объединение княжеств и образование румынского государства, хотя тогда о проекте Стурдзы наверняка ничего не знали.

Проект Стурдзы являлся только первым этапом работы над конституцией, он скорее был руководством к действию, о чем говорит и его подзаглавие *сапеваз* (канва). В дальнейшем происходила детализация каждого из разделов, сбор дополнительных материалов. Из депеши, посланной Стурдзой Нессельроде, становится ясным, что он пользовался в своей работе докладными записками Брынкована и М. Стурдза, а также отдельными замечаниями некоторых местных жителей (конечно бояр.— В. Г.). А. Стурдза отмечает, что в своей работе он руководствовался интересами России и надеждой способствовать восстановлению родной земли, столь жестоко страдавшей в течение сотен лет¹.

Из дополнительных источников, которыми воспользовался А. Стурдза, хорошо известно февральское послание его родственника — Михаила Стурдзы, уже давно отмеченное в литературе². Коротко его предложения сводились к следующему: создание санитарного кордона по Дунаю, национальная милиция из 6 тысяч человек в Валахии и 2 тысяч в Молдавии, свобода торговли, проводимой без всякого ограничения, замена различных государственных повинностей единым налогом, запрещение пожалований боярских титулов, отмена института скутельников, бреслашей и слугиторов, выборы господаря на всю жизнь и, если возможно, сделать его престол наследственным. По его проекту членами собраний могут быть только те, кто имеет сельский доход не менее 30 тысяч пиастров в Молдавии и 20 тысяч — в Валахии, ранг (боярский) первого разряда и знатность происхождения и т. д.

Многие предложения не являются новыми и похожи на проекты, создававшиеся ранее. Вместе с тем Михаил Стурдза выдвинул некоторые положения, которые отражали и его личные пожелания. Во-первых, стремление сделать господарство наследственным. Оно вполне понятно, поскольку сам Михаил Стурдза являлся одним из основных претендентов на престол (впоследствии он действительно им станет). Во-вторых, установление денежного минимума дохода бояр — членов собрания, получаемого за счет сельского хозяйства (то есть доход от земельных владений), также соответствовало стремлениям автора, который хотел лишить мелкое и среднее боярство влияния на государственную политику. М. Стурдза еще с начала 20-х гг. был известен как один из главных идеологов крупного боярства и противник расширения прав бояр последних разрядов, против которых направлены и некоторые другие пункты его проекта.

Учтя некоторые предложения, А. Стурдза составляет второй, более полный проект нового законодательства, занявший уже 28 страниц (14 листов с оборотами) рукописного текста. Из его заглавия исчезает слово конституция: вероятно оно не понравилось властям или автор сам понял свою «оплошность», и называется он «фундаментальным регламентом для Молдавии и Валахии». Интересно отметить, что такой же проект имеется и в бумагах Строгановых, где хранится и копия письма

¹ А. Стурдза-Нессельроде, 10 (22) мая 1829 г. (французский язык). ЦГАДА, ф. 1278, оп. 1, д. 94, 1821—1829, л. 113—114; ИРЛИ, там же, оп. 2, д. 3, л. 85—86.

² I. C. Filitti. Op. cit., p. 30—31.

А. Стурдзы Нессельроде от 10 (22) мая 1829 года. Несомненно, что он был послан для ознакомления Г. А. Строганову, бывшему посланнику в Константинополе, мнение которого о восточных делах ценилось очень высоко.

«Фундаментальный регламент» состоит из 6 глав, подразделенных в свою очередь на 66 параграфов. Нет нужды останавливаться на каждом параграфе, поскольку содержание многих из них было подсказано предыдущими проектами. Обратим внимание только на некоторые характерные или отличительные черты нового проекта.

Первая глава посвящена взаимоотношениям между Молдавией и Валахией и развивает, в основном, положения, содействующие большему сближению княжеств. Однако здесь ничего не говорится о том, что молдаванин может стать господарем Валахии, а валах — Молдавии, нет ничего о посылке представителей княжеств в Петербург. Вместе с тем предлагается, чтобы в законы обоих княжеств были внесены одинаковые поправки, предусматривающие допуск иностранцев в Молдавию и Валахию (по смыслу проекта молдаван в Валахию и валахов в Молдавию).

Вторая глава посвящена выбору властей, управлению, смещению господаря, армии. Господарь является лицом выборным, но после его ухода или кончины старший сын, если ему исполнилось 24 года, является первым претендентом на престол. Вообще же господарем может стать боярин из родовитых семейств, достигший тридцатилетнего возраста и имеющий земельную собственность. Определяются конкретные права господаря. Молдавскому господарю предполагалось предоставить 24 тысячи пиастров, а валахскому — 30 тысяч. Доходы, поступавшие раньше господарской семье, отныне должны контролироваться вистьерией (в отличие от прежних времен вистьерия начала контролировать все доходы и расходы уже во время войны 1828—1829 гг.— В. Г.). Численность армии, которую еще предстояло создать, предполагалось довести в Большой Валахии до 2 тысяч пехотинцев и кавалеристов, в Малой Валахии организовать 1200 пандуров, в Молдавии — 2 тысячи человек. Армия предоставляется в распоряжение господаря, который будет назначать командный состав лично. Срок службы рядовых определялся в семь лет, причем специально оговаривалось, что привилегированные сословия освобождаются от службы в качестве солдат.

Третья глава. О составе, полномочиях, сфере деятельности генеральной периодической ассамблеи (Общего обыкновенного собрания). Кроме положений, изложенных в первом проекте и здесь расшифрованных, определяется срок действия этого собрания, равный шести годам. За это время собранию следует разрешить вопрос о скутельниках, бреслашах и слугиторах таким образом, чтобы принятое решение соответствовало интересам народа (так пишется в проекте.— В. Г.). Многочисленные косвенные налоги, являющиеся источником больших злоупотреблений, предлагается заменить единым налогом. В случае беспорядков, которые будут иметь место на собрании, господарь имеет право закрыть его заседания раньше срока, определенного в четыре месяца ежегодно, но предварительно предупредить об этом Россию и Турцию и т. д.

Четвертая глава — о судах и трибуналах. Система гражданских и

¹ ЦГАДА, ф. 1278, (ф. Строгановых), оп. 1, д. 94, л. 127 и далее; «Projet de reglement fondamental pour la Moldavie et la Valachie»; ИРЛИ, ф. 288, оп. 216, л. 35—49 об.

уголовных судов подразделяется на две инстанции: трибуналы в дистриктах и судебный диван с пребыванием в столицах княжеств. Каждый трибунал на местах будет состоять из пяти судей, трое из которых изберут земельные собственники и двух назначит господарь на девять лет. Предопределяется также сфера деятельности и состав судебного дивана. Смертная казнь и осуждение на принудительные работы могут быть назначены только с санкции господаря и др.

Пятая глава — о праве классов, обязанностях, привилегиях, льготах. Система скутельников и режим царан или земледельцев, которые не имеют земельной собственности, являются объектами двух законов, выработанных генеральной ассамблеей. Их содержание должно базироваться на праве и ликвидации противозаконных действий. Личные звания, которые до сих пор состояли из четырех категорий с пятью подразделениями (то есть из 20 титулов); отныне будут делиться только на десять разрядов. Производство в чин впредь должно соответствовать исполняемой должности. Господарь имеет право увольнять чиновников досрочно и заменять их другими, но в таком случае необходимо письменное обоснование такого шага, а уволенный служащий может посылать жалобу генеральной ассамблее.

Шестая глава посвящалась довольно детальному разбору прав и обязанностей местной церкви, ее связям с константинопольским патриархом, обязанностям по содержанию школ, семинарий, помощи нуждающимся. Земли греческих иностранных монастырей предполагалось им сохранить, но руководящие лица, прибывшие из-за границы, должны получить предварительное разрешение господаря и генеральной ассамблеи.

Завершался проект дополнительной статьей, в которой провозглашалось, что все положения регламента являются строго обязательными, но, если потребуются какие-либо изменения, то предварительно необходимо согласие России и Турции¹. Таково было содержание второго проекта А. Стурдзы.

Из вышеназванного видно, что и первый и второй проекты молдавско-валашской конституции, составленные А. Стурдзой, являясь документами эпохи феодализма, выражали в первую очередь интересы и стремления господствующего класса княжеств — крупных бояр.

Им предоставляется вся полнота власти, именно из их среды выбирается господарь, они вместе с духовенством составляют Общее собрание и т. д. Вместе с тем в проектах рассматриваются положения, которые уже давно были выдвинуты временем и отражали стремления и других слоев населения: свобода торговли, создание армии, освобождение земель (крепостей), захваченных турками, отмена института скутельников, отмена некоторых косвенных налогов и установление единого налога, упорядочение судов и создание судебных инстанций, определение точного гражданского устава, создание санитарного кордона, разделение судебной и административной власти и т. п.

Оба проекта свидетельствуют о том, что работа над будущим устройством Дунайских княжеств не прекращалась даже в 1828 году, в то время, когда началась война и все внимание русского правительства в первую очередь уделялось потребностям армии.

Предложения, выдвинутые в рассмотренных документах, явились

¹ «Projet de reglement fondamental pour la Moldavie et la Valachie». ЦГАДА, там же, л. 127—150 об.

одним из источников для известных «Инструкций» Д. В. Дашкова¹, впоследствии министра юстиции России, ставших основой первых конституций Молдавии и Валахии — Органических регламентов, вступивших в силу в 1831—1832 гг. Эти же проекты послужили материалом для мирного договора, заключенного в Адрианополе. Кстати, А. Стурдза готовил и специальные проекты для будущего договора с Турцией, в которых, например, изложил свою точку зрения на отношения между княжествами и Россией и Турцией, составил проект отдельного акта по Молдавии и Валахии из 16 статей², записку о Молдавии и Валахии³ и др. Все эти материалы хранятся в рукописном отделе Института русской литературы в Ленинграде.

При сравнении проектов А. Стурдзы с текстом Адрианопольского трактата и Органического регламента можно найти очень много сходного. Это, конечно, не говорит о том, что оба документа того времени созданы только на материалах Стурдзы. Они, как и его проекты, питались различными источниками, но предложения А. Стурдзы, а также расшифровка им многих положений, уже выработанных ранее, нашли свое отражение как в тексте Адрианопольского трактата, так и Органического регламента.

Можно без труда заметить, что вторая глава второго проекта Стурдзы очень похожа на первую главу регламента, посвященную выборам господаря, третья глава — на вторую (об Общем обыкновенном собрании), четвертая — на седьмую валашского и восьмую молдавского регламента (о судах)⁴ и т. д.

Проекты А. Стурдзы очень сходны с Органическим регламентом не только по общим вопросам, касавшимся, допустим, провозглашения свободы торговли, выборов господаря и Общего собрания, установления единого налога взамен многочисленных налогов, существовавших прежде, и т. п., но и в деталях. Во втором проекте довольно точно определена численность будущих армий Молдавии и Валахии и указан примерно такой же срок (семь лет) продолжительности службы рядового состава, как и было потом в действительности. И проект, и регламент говорят об учреждении судебных диванов, то есть трибуналов второй инстанции только в столицах (в Валахии, по регламенту, и в Крайове — главном городе Олтении), в обоих памятниках говорится о том, что судьи будут частично избираться, а частично назначаться господарем и многое другое.

Вместе с тем составители регламента пошли значительно дальше. Они детально рассмотрели взаимоотношения крестьян и бояр и способствовали тому, чтобы этот вопрос стал основным в новом законодательстве. Поэтому К. Маркс и назвал его «Кодексом барщинных работ»⁵. По регламенту работы в пользу бояр значительно увеличились, особенно в Валахии, государственные налоги были несколько уменьшены. Эти, а также многие другие положения не нашли освещения в проекте А. Стурдзы.

¹ См. Analele parlamentare ale României, t. I, București, 1890, p. 185.

² ИРЛИ (Пушкинский дом). Отдел рукописей, ф. 288, оп. 2, д. 3, «Бумаги, относящиеся к русско-турецкой войне 1828—1829 гг».

³ Там же, д. 21 б, лл. 24—33.

⁴ Regulamentele organice ale Valachiei și Moldovei, vol. I, București, 1944.

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, изд. 2, т. 23, стр. 249.

ДОУЭ ПРОЕКТЕ НЕКУНОСКУТЕ АЛЕ КОНСТИТУЦИЕЙ МОЛДО-ВАЛАХЕ

(1828—1829)

Резумат

Ын артикол се анализязэ доуэ проекте некуноскуте але Конституцией молдо-валахе, алкэтуите ла сфыршитул анулуй 1828 ши ынчепутул анулуй 1829 де кэтре А. С. Стурдза, фост боер молдован, каре се гэся ла службэ ын Русия. Амбеле проекте оглиндяу ын примул рынд интереселе класелор доминанте дин Принчипателе Дунэрене ши Русия. Тот одатэ ауторул лор ынчаркэ сэ солуционезе ши унеле проблеме национале де ордин женерал, каре стэтяу атунч ын фаца Принчипателор. Проектеле луй А. С. Стурдза ау сервит дрепт унул дин извоареле де базэ пентру «Регуламентул органик» — лежя фундаменталэ а Принчипателор Дунэрене, адоптатэ ын 1831.

НОВЫЕ ДОКУМЕНТЫ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РУМЫНСКОГО РЕВОЛЮЦИОНЕРА ШТЕФАНА ГЕОРГИУ

19 марта 1964 года исполнилось 50 лет со дня смерти Штефана Георгиу, видного румынского революционера, популярного агитатора, пропагандиста и способного организатора пролетарских масс страны.

Рабочие Румынии любовно называли его «наш Штефан». И действительно, он весь принадлежал им: из их среды вышел, им посвятил с юношеских лет всю свою энергию, ум и талант, с ними разделил все тяготы капиталистической эксплуатации и за них отдал свою молодую 35-летнюю жизнь.

Жизнь и деятельность Штефана Георгиу в определенной степени изучена румынскими исследователями. Несколько лет назад Институт истории партии при ЦК РРП выпустил брошюру¹, в которой впервые сделана попытка систематизированно осветить весь путь борьбы, пройденный Штефаном Георгиу.

Задача настоящей статьи состоит в том, чтобы на основе нескольких неизвестных ранее документов пролить дополнительный свет на отдельные страницы деятельности Штефана Георгиу, показать замечательные черты личности этого революционера.

В фонде румынской сигуранцы, который до 1960 года хранился в Центральном государственном архиве Молдавской ССР (ЦГА МССР), нами найдено четыре неизвестных письма Штефана Георгиу, адресованные различным лицам, в том числе Иону К. Фриму и Александру КонстантINESКУ — видным в то время представителям левого течения в румынском рабочем движении. Три письма относятся к 1907 и одно к 1910 году.

Для того чтобы те отдельные моменты из деятельности Штефана Георгиу, которые отражены в этих письмах, были более понятны читателю, мы дадим краткую характеристику его жизненного пути и эпохи, в которой он боролся.

Штефан Георгиу прожил короткую, но насыщенную революционным содержанием жизнь. Он родился 15 января 1879 года в г. Плоештах в рабочей семье. Характерные для эксплуататорского общества условия не позволили ему, сыну плотника, долго сидеть за партией. Окончив четыре класса начальной школы, Штефан Георгиу с 12-летнего возраста вступил на стезю тяжелой трудовой жизни, которая явилась главной его

¹ «Ștefan Gheorghiu», București, 1954.

школой, его университетами. Она научила его, что спасение рабочего класса и всех трудящихся — в борьбе. И он вступил в нее с 17—18 лет.

Характерными чертами социально-экономической среды в конце XIX—начале XX века, в которой трудился и боролся Штефан Георгиу, было относительно быстрое развитие промышленности, развертывание процесса промышленной революции, в ходе которой, как известно, окончательно формируются основные классы капиталистического общества — буржуазия и пролетариат, происходит перерастание капитализма в свою последнюю стадию — империализм. Динамика роста промышленных и транспортных рабочих видна из следующих данных: если в 1901—1902 гг. в этих двух отраслях работало около 130 тысяч человек, то накануне первой мировой войны уже около 264 тысяч¹. К 1914 году на каждую тысячу жителей Румынии приходилось приблизительно 36 рабочих². Что же касается крупнопромышленного пролетариата, то в 1915 году он насчитывал в своих рядах около 70 тысяч человек. Эти данные говорят о малочисленности рабочего класса Румынии, о преобладании в нем рабочих, не связанных с крупным производством, что отрицательно сказывалось на развитии румынского пролетарского движения.

Вступление Румынии в начале XX века в империалистическую стадию развития³ усугубило положение рабочего класса. Это нашло свое наиболее концентрированное выражение в росте нормы прибавочной стоимости за первые полтора десятилетия XX века со 192 до 206%⁴.

Рост рядов пролетариата и усиление его эксплуатации были объективными предпосылками для развития рабочего движения в стране. В конце XIX века его выразителем стала социал-демократическая партия рабочих Румынии, основанная в 1893 году. Однако эта партия, не имея еще под собой тогда твердой пролетарской основы, попала в руки буржуазно-либеральных элементов, которым в 1899 году удалось дезорганизовать ее. Верной пролетарскому знамени осталась лишь небольшая группа рабочих (И. К. Фриму, Александр Константину, Александр Ионеску и др.). Среди них был и Штефан Георгиу.

Вместе с присоединившимися к ним революционно настроенными интеллигентами они сосредоточили свои усилия на реорганизации рабочего движения, на сплочении его в новые, более сильные пролетарские организации, на воспитании рабочих в духе классовой борьбы. Эти задачи и стояли в начале XX века перед пролетарским движением, перед его руководителями. Их претворению в жизнь полностью посвятил себя и Штефан Георгиу.

Свой революционный путь Штефан Георгиу начал в родном городе Плоешты — центре нефтеносной долины Праховы. Еще в 1900 году в письме, адресованном рабочему клубу в Бухаресте, он писал: «В связи с трудностями, через которые проходят плоештские рабочие, часть волевых людей, среди которых числюсь и я... желаем бороться изо всех сил за просвещение рабочих путем основания нового «клуба рабочих», в котором должны обсуждаться участь и интересы рабочих и должны быть указаны пути, откуда идет болезнь и какое должно быть средство их лечения»⁵.

¹ См. Din istoricul formării și dezvoltării clasei muncitoare din România. București, 1959, p. 345.

² Там же, p. 365.

³ См. N. N. Constantinescu și V. Axenciuc. Capitalismul monopolist în România. București, 1962.

⁴ Din istoricul formării și dezvoltării clasei muncitoare din România, p. 411.

⁵ «Ștefan Gheorghiu», p. 20.

Наиболее полно проявилась его революционная энергия начиная с 1905 года. Наступивший в это время подъем рабочего движения в стране благоприятствовал развертыванию революционной деятельности. Штефан Георгиу, наряду с другими участниками движения, сосредоточил свои усилия на создание профессиональных союзов в противовес корпорациям¹. На I конференции рабочих организаций, состоявшейся в 1906 году, он резко выступил против правых оппортунистов, которые по существу защищали корпорации, советуя рабочим вступать в них. В связи с поведением этих деятелей он саркастически заметил, что рабочие послали их на конференцию, чтобы они защищали классовые интересы пролетариата, а они угодили в конюшни Сочека (Сочек был одним из руководителей корпораций и владельцем крупного издательства в Румынии).

В середине 1906 года, благодаря упорству и стараниям Штефана Георгиу и его друзей, возникают профессиональные организации в ряде городов долины Праховы: Кымпине, Буштенарах, Бэйкой². В одной из полицейских докладных о деятельности Штефана Георгиу писалось, что под влиянием его многочисленных выступлений (около 30) в Плоештах возникли профсоюзы сапожников, кельнеров, металлистов и типографов³.

Весной 1907 года, в связи с восстанием крестьян, деятельность Штефана Георгиу была временно прервана — его мобилизуют и посылают в воинскую часть. Однако, поняв, что в армии, призванной подавлять движение крестьян, оказался один из ярых врагов буржуазии и помещиков, военные власти немедленно его разоружили, арестовали и послали в Пятра-Нямц. Тюрьма и казармы оказались переполненными арестованными крестьянами, и все же ему нашли место... в больнице, куда его поместили под стражей⁴.

Отсюда он и послал И. К. Фриму почтовую открытку, которая известна нам в копии⁵. Письмо не датировано, но на нем сбоку рукой представителя Нямцкой префектуры, задержавшего открытку на месте, приписано: «27 марта (9 апреля) 1907 г». Следовательно, письмо написано 26 или 27 марта 1907 года.

Штефан Георгиу писал И. К. Фриму следующие: «По случаю крестьянских восстаний был мобилизован и я. Рота, к которой я принадлежу, имела предназначение [действовать — А. М.] от Пятра-Нямц до Романа. В настоящее время интернирован в уездной больнице в Пятра-Нямце. Думаю, что 5 апреля буду в Плоештах. Очень тебя прошу выслать и мне номера газеты «Ромыния мунчитоаре», вышедшие во время нашей мобилизации. Также прошу тебя сообщить мне, есть ли в Пятра-Нямце товарищи, в случае если есть, сообщи мне какой-нибудь адрес. Повар больницы желает подписаться на «Ромыния мунчитоаре». Подписную сумму внесет 15 числа, когда получает заработную плату. Считаю, что газету ему нужно посылать, начиная с 1 апреля.

В Пятра-Нямце есть около 100 рабочих, которые работают на 4 лесопильных заводах. С несколькими рабочими установил связи». В заключение Штефан Георгиу просит Фриму ответить ему немедленно.

¹ Хозяйские организации, возникшие на основе закона Миссира 1902 г.

² «Ștefan Gheorghiu», p. 29.

³ ЦГА МССР, ф. 691, оп. 2, д. 164, л. 14.

⁴ Об этом сам Штефан Георгиу рассказал на страницах газеты «Adevărul», № 7579, 1910, 13 октября.

⁵ ЦГА МССР, ф. 691, оп. 2, д. 164, л. 10.

Из этих скупых строк вырисовывается фигура человека, который не мог жить без того, чтобы не знать, чем дышит пролетарское движение страны, не представлял себя вне повседневной связи с рабочими. Для того, чтобы быть в курсе всех событий, чтобы слышать голос широкого круга рабочих, он просил И. К. Фриму выслать ему газету «Румыния мунчитоаре». Более того, в условиях лишения свободы он пропагандировал пролетарский орган печати, завоевывал для него новых читателей, а путем установления контактов с рабочими лесопильных заводов стремился расширить ряды сознательных бойцов пролетарской армии.

В то время, когда страна находилась во власти террора, произвола и преследований, действия Штефана Георгиу по вовлечению широких рабочих масс в активную сознательную борьбу имели еще большее, чем в «обычных» условиях значение для поддержания и повышения боевого настроения масс.

Из Пятра-Нямц Штефана Георгиу перевели в Плоешты, где через несколько дней его освобождают. И он сразу же с головой окунулся в борьбу, возобновив прерванную организационную и пропагандистскую работу среди рабочих долины Праховы.

Об этом мы узнаем из его письма (в копии)¹ к Пананту Мушою*. Оно также не датировано, но, видимо, было написано в первой декаде апреля 1907 года, так как в руки директора румынской сигуранцы попало 13 апреля.

Наибольший интерес в этом письме представляют два вопроса — об организационной и пропагандистской работе Штефана Георгиу в Плоештах. Так, он писал П. Мушою, что хочет дать более здоровое направление местной рабочей организации путем слияния кружка еврейских пролетариев с кружком румынских рабочих². В условиях, когда в Румынии давала о себе знать раздробленность рабочего класса, когда власти во что бы то ни стало старались сохранить реакционные организации (корпорации, клубы ремесленников и др.), когда эксплуататоры, исходя из своих интересов, натравливали рабочих одной национальности на рабочих другой национальности, классовый подход Штефана Георгиу к построению пролетарских организаций имел неосценимое значение для интернационалистического воспитания румынских трудящихся, для успешного ведения борьбы с капиталистами и помещиками. Не случайно, что полицейские агенты, наблюдавшие за Штефаном Георгиу, обязательно подчеркивали в своих доносах его стремление основать в Плоештах организацию, «построенную на интернационалистическом рабочем чувстве»³, «создать более солидарную организацию всех без исключения рабочих, независимо от расы и национальности»⁴.

¹ ЦГА МССР, ф. 691, оп. 2, д. 164, л. 11.

* Деятельность Пананта Мушою (1864—1944 гг.) делится на два периода. До 1897 г. он был активным участником социалистического и рабочего движения, распространял марксистское учение в Румынии. С 1897 г. начинается второй период в его идейно-политической эволюции, когда он выходит из социал-демократической партии и ведет пропагандистскую деятельность самостоятельно, хотя и поддерживает связь с отдельными руководителями рабочего движения. Пропагандируемая им в это время литература по ее идейному содержанию носила эклектический характер. Например, в издаваемом им журнале «Revista ideei» (1900—1915 гг.) наряду с переводами марксистских работ он помещал и переводы из анархистской литературы. (См. о П. Мушою статью: Gălăteanu A. și Gogoneată N., Activitatea și concepția social-politică a lui Panait Mușoiu, în «Cercetări filozofice», 1963, N 3, pp. 718—731).

² ЦГА МССР, ф. 691, оп. 2, д. 164, л. 11.

³ Там же, л. 14.

⁴ Там же, л. 20—21.

С планами реорганизации пролетарского движения в Плоештах был тесно связан вопрос о просвещении рабочих. Поэтому Штефан Георгиу просил П. Мушою послать ему несколько брошюр «Пропаганда ын мишкаря сочиалэ» («Пропаганда в социальном движении»), коллекцию еженедельной газеты «Мишкаря сочиалэ» («Социальное движение») в двух экземплярах и по два экземпляра других не названных в письме брошюр.

Небезынтересно коротко остановиться на идейном содержании этой литературы. Из опубликованных работ известно, что брошюра «Пропаганда в социальном движении» принадлежала перу самого П. Мушою. Она была им написана в 1891 году и содержит марксистские взгляды по важнейшим вопросам революции, исторической роли пролетариата и другим. В ней содержится тезис о диктатуре пролетариата, как о средстве избавления трудящихся от эксплуатации¹. Распространение этой идеи в условиях, когда оппортунисты по существу отказались от нее, играло большую роль в воспитании пролетариата в революционном духе. И, как вытекает из цитируемого письма, Штефан Георгиу способствовал этому. Но в то же время П. Мушою оказывал влияние на Штефана Георгиу не только своими революционными взглядами, которыми руководствовался он на первом этапе своей деятельности, но и своими эклектическими воззрениями, характерными для него после 1897 года. Еженедельная газета «Мишкаря сочиалэ», которую просил Георгиу, издавалась П. Мушою в 1897 году в течение нескольких месяцев. На ее страницах рядом с произведениями Ф. Энгельса печатались материалы, содержащие анархистские идеи и даже идеи Шопенгауэра и Спенсера и других реакционных философов². Возможно, что одним из факторов, определивших уклон Штефана Георгиу в сторону анархо-синдикализма, в сторону преувеличения им значения профессиональных союзов в классовой борьбе пролетариата³, явилось влияние на него П. Мушою.

Отсутствие достаточного количества марксистской литературы в условиях подъема политической активности рабочего класса, создания профессиональных классовых организаций приводило к тому, что рабочие, совсем не имея или имея слабую теоретическую подготовку, расхватывали и литературу с эклектическим идейным содержанием.

Усиление репрессий после крестьянского восстания 1907 года, направленных на дезорганизацию и подавление рабочего движения, коснулось Штефана Георгиу и на сей раз. Власти усилили слежку за ним. Из Бухареста один за другим сыпались конфиденциальные запросы о его деятельности. Над ним готовили новую расправу. Не успел Штефан Георгиу и двух недель пробыть на свободе, как военные власти повторно его арестовывают под предлогом, что он написал манифест, в котором оскорблялась румынская армия⁴. Без суда и следствия его держали в тюрьме (до середины июля в Плоештах, потом в Галацах) в одиночном заключении более полугода. Несмотря на суровый режим, рассчитанный на физическую расправу над ним, Штефан Георгиу не падал духом. В тюрьме он живо интересовался ходом рабочего движения, пытался через других деятелей румынского рабочего движения установить контакт

¹ «Cercetari filozofice», № 3, 1963, p. 725.

² Там же.

³ См. «Ștefan Gheorghiu», p. 27.

⁴ Штефан Георгиу отрицал свою причастность к написанию этого манифеста. См. «Adevărul», № 7579, 1910, 13 октября.

с пролетариями различных городов, давать им советы. В самой тюрьме он вел агитацию среди арестованных рабочих, советовал им вступать в профессиональные союзы. Об этой деятельности Штефана Георгиу мы узнаем из его письма к Александру Коистантинеску, бывшего тогда секретарем генеральной комиссии профсоюзов Румынии. Письмо¹ сохранилось в оригинале. Приблизительную дату написания письма можно установить по отмеченной на конверте дате его отправления из Плоешт — 11 июня 1907 года. Значит оно было написано 9 или 10 июня. Вот его содержание:

«Дорогой Коистантинеску.

Как мне стало известно, мое дело направлено в бригаду, и считаю, что оттуда оно будет отправлено в дивизию и т. д.

Я тебе уже написал одну почтовую открытку и повторяю тебе и сейчас — постарайся расшевелить тех (активистов рабочего движения. — А. М.) из Плоешт, хотя бы в письменной форме. Скажи им, чтобы они решили вопрос о помещении и чтобы они устраивали собрания как можно чаще, так как сейчас как раз время для этого, ибо рабочие чрезмерно возбуждены.

Следовало бы тебе подумать и о Кымпине. В тюрьму ежедневно приводят для осуждения дисциплинарным судом за неявку на визирование военного билета. Прибыло и несколько бурильщиков, которым я говорил об их организации в профсоюз. Они горят желанием организоваться, но необходимо, чтобы кто-то интересовался ими близко. Я считаю, что было бы хорошо, если бы ты напечатал для них манифест с целью их созыва на собрание. Думаю, что-то получится. Ибо число бурильщиков в нефтеносных районах достигает двух тысяч (2000). И когда только подумаешь, в каком они положении находятся!!! Обязательно ответь мне по этому вопросу. Впрочем, как выглядит движение в Кымпине? Енчу² там? А в Констанце что было сделано? Геря³ сказал мне (и с того времени прошло много времени), что идет разговор о выходе журнала, что с ним стало? А с принятым в Яссах решением о журнале⁴, что сделано? Узнал, что в скором времени состоится вторая (2) конференция, но в Галацах. Хотел бы знать, откуда появилась идея, чтобы устроить ее в Галацах, а не в Бухаресте.

Постарайся ответить как можно быстрее на заданные мною тебе вопросы, так как они ежедневно меня волнуют. Да что тебе говорить, когда все это тебе так хорошо известно...

Чтобы ты не думал, что в тюрьме я стою так без движения в нашем направлении; наоборот, с прибывающими для визирования военных билетов арестантами беседую, и многие дали мне свои адреса для того, чтобы общаться с ними в целях организации». Ответное письмо он просил послать ему на имя одного сержанта.

Из данного письма видно, как высоко было развито у Штефана Георгиу чувство долга и ответственности перед рабочим движением, чьим представителем он был. В тюрьме он делал все возможное, чтобы посредством неустанной пропаганды просвещать пролетариат и органи-

¹ ЦГА МССР, ф. 691, оп. 2, л. 164, л. 32—33.

² Енчу — профсоюзный деятель, до крестьянского восстания 1907 г. был секретарем профсоюза в Галацах.

³ К. Доброджану-Геря — в это время лидер правого оппортунизма в румынском рабочем движении.

⁴ Речь идет, видимо, о теоретическом социал-демократическом журнале «Viitorul social», который тогда планировался и который стал выходить с августа 1907 г.

зовывать его, используя для этого благоприятную обстановку — «чрезмерное возбуждение» рабочих. Так как вопросам пропаганды Штефан Георгиу придавал большое значение, то, как вытекает из его письма к А. Коистантинеску, подготовка к выходу социал-демократического журнала находилась в центре его внимания.

Делая некоторые наброски плана на ближайшее время, Штефан Георгиу подсказывал своему адресату, каким категориям рабочих уделить больше внимания. Исходя из хорошего знания положения в долине Праховы, он называл прежде всего бурильщиков, которые горели желанием вступить в профессиональные организации. Следует отметить, что Штефан Георгиу, в противовес оппортунистам, всегда придавал перво-степенное значение работе среди рабочих наиболее крупных пролетарских центров¹, о чем свидетельствует и его практическая деятельность в нефтяных районах Праховы и портовых городах Румынии.

Словом, в тюрьме Штефан Георгиу жил одной мыслью — как помочь рабочим в их борьбе, как повысить их боеспособность.

За время пребывания Штефана Георгиу в тюрьме рабочий класс Румынии неоднократно поднимал голос протеста против незаконного содержания в тюрьме своего любимого руководителя². Благодаря этому в октябре 1907 года суд оправдал его. Но почти семимесячное заключение подорвало его здоровье. Будучи вынужденным спать более полугодом на цементном полу в сырой камере, он заболел тяжелой неизлечимой тогда болезнью — туберкулезом.

Однако навсегда отняв у этого пролетарского борца здоровье, буржуазно-помещичьи властям не удалось сломить его морально.

Выйдя из тюрьмы, он с прежней настойчивостью добивался организационного укрепления рядов рабочего класса, его воспитания. Причем полем его деятельности служила вся страна. Как вытекает из многих полицейских донесений, он разъезжал по всем городам страны, призывая рабочих к единению и борьбе³. Это давалось ему нелегко. Ведь агенты полиции ходили за ним по пятам. В Румынии не было такого города, откуда власти не высылали бы его⁴. Под жандармским конвоем он колесил по стране десятки и сотни километров.

Все же основным центром его деятельности (до 1913 г.) была долина Праховы. Уделяя много внимания агитации и пропаганде социалистических знаний среди рабочих, он задумал наладить издание необходимой литературы в одном из городов нефтяников. Наметки этого плана Штефана Георгиу мы находим в его письме к одному из профсоюзных деятелей г. Кымпины. Письмо, знакомое нам в копии, было написано приблизительно в середине ноября 1910 года. В нем он писал: «Хотел бы прибыть в Кымпину и искать работу в целях создания издательского кружка»⁵. Далее Штефан Георгиу указывал, что план создания такого кружка очень прост. Для этого надо организовать товарищество примерно из 15 человек с еженедельной уплатой членских взносов. Накопив достаточное количество денег, можно будет выпустить первую брошюру, а именно «Битре цэрань» («Среди крестьян»). Нам неизвестно содержа-

¹ См. выступления Штефана Георгиу на съездах СДПР и профсоюзов в 1910 и 1912 гг. (Congresul de constituire al Partidului social-democrat din România, p. 117; «România Muncitoare», N 51—52, 1912, 8 июля).

² См. Ștefan Gheorgiu, pp. 36—37.

³ ЦГА МССР, ф. 691, оп. 2, л. 164, лл. 55, 59.

⁴ См. «Adevărul», № 7579, 1910, 23 октября.

⁵ ЦГА МССР, ф. 691, оп. 2, л. 164, л. 42.

ние этой брошюры, но название ее указывает в какой-то степени на предмет разговора. Предлагая выпуск брошюры под таким названием, он, видимо, исходил из специфики состава рабочих долины Праховы. Среди них было много недавних выходцев из крестьян, которые, работая на промышленных предприятиях, были тесно связаны с селом, имели там еще хозяйство. Поэтому начало издания работ на крестьянские темы было обосновано. В конце письма Стефан Георгиу жаловался на свое здоровье. Он с сожалением сообщал своему адресату: «Думал приехать в Кымпину. Но со здоровьем у меня так плохо, что трудно трогаться с места; во всяком случае попытаюсь приехать и, если найду работу, тогда будет сделано что-то полезное»¹. Но добиться осуществления этого плана Стефан Георгиу смог только в 1912 году, когда в Плоештах был налажен выпуск брошюр, листовок и манифестов.

Особенно плодотворную революционную деятельность развернул Стефан Георгиу в последние годы своей жизни. В 1910—1913 гг. он выступал незаменимым руководителем стачечных боев в Бранле, Плоештах, Галаце. С конца 1912 года возглавил новый крупный отраслевой профсоюз транспортных рабочих Румынии и одновременно являлся редактором печатного органа этого союза — «Трибуна Транспуртурилор». В период Балканских войн Стефан Георгиу занял в стране самую передовую антимилитаристскую позицию. Выпущенный им в конце 1912 года манифест «Война войне» отражал революционные настроения масс.

Всю эту работу он выполнял в условиях быстро прогрессирующей болезни. Надо было иметь непоколебимую волю Стефана Георгиу, чтобы с сильно подорванным здоровьем, без необходимых средств к существованию, в вечных поисках работы и гонимый властями суметь сделать так много для воспитания, организации и руководства борьбой румынского рабочего класса.

Сломленный туберкулезом, Стефан Георгиу скончался в столичной больнице 19 марта 1914 года. Его тело было перевезено в родной город Плоешты и похоронено там. Чтобы проводить своего Стефана в последний путь, чтобы оказать высшие почести «тому, кто был вечно в борьбе и в волнениях, тому, кто был гоним за правду», собрались представители рабочего класса со всех концов страны. Выступившие на траурном митинге отметили большие заслуги Стефана Георгиу в рабочем движении Румынии. Это были вынуждены процедить сквозь зубы и некоторые оппортунистические деятели. Однако один из них не смог удержаться от того, чтобы не ставить в «вину» Стефану Георгиу то, что «он был слишком революционным»².

Для этого у них были основания: Стефан Георгиу был их постоянным противником. Он вместе с другими революционными борцами представлял левую тенденцию в румынском рабочем движении. Однако уровень теоретической подготовки, а в конечном счете — уровень румынского рабочего движения в начале XX века не позволили ему стать последовательным борцом с оппортунизмом. Искренне желая приносить как можно больше пользы своему классу, стремясь противопоставить реформистам смелую тактику борьбы, Стефан Георгиу впал в анархо-синдикализм. Временами он был склонен переоценивать значение профессионального движения и экономической борьбы пролетариата и недооценивать роль политической организации рабочего класса.

¹ ЦГА МССР, ф. 691, оп. 2, д. 164, л. 42.

² ЦГА МССР, ф. 691, оп. 2, д. 164, л. 211.

Но его ошибки являются незначительными по сравнению с тем большим вкладом, который он внес в освободительную борьбу румынского пролетариата.

Приведенные нами неизвестные письма Стефана Георгиу показывают, что для его личности характерны такие черты, как решительность в борьбе, преданность своему классу, своему народу, неразрывная связь с ним, самопожертвование ради интересов трудящихся масс, ставшие примером как для современных ему сознательных рабочих, так и для последующего поколения румынских пролетариев. Но традиции, оставленные Стефаном Георгиу, равно как и другими революционными деятелями, были развиты дальше коммунистами Румынии после Великой Октябрьской социалистической революции и благодаря ей — на новой, высшей теоретической, тактической и организационной основе.

Опираясь на марксистско-ленинское учение, на революционные традиции прошлого, румынский народ, возглавляемый коммунистами, добился свержения власти капиталистов и помещиков и пошел по социалистическому пути развития. То, о чем мечтал Стефан Георгиу и за что он боролся, ныне претворено в жизнь.

Гордясь своим революционным прошлым, трудящиеся социалистической Румынии свято чтят память тех людей, которые десятилетия назад возглавляли колонны пролетариев, звали их на борьбу. Среди них почетное место занимает и Стефан Георгиу.

А. К. МОШАНУ

ДОКУМЕНТЕ НОИ КУ ПРИВИРЕ ЛА АКТИВИТАТЯ РЕВОЛУЦИОНАРУЛУИ РОМЫН Ш. ГЕОРГИУ

Резумат

Пе база а патру скрисорь некуноскуте але луй Стефан Георгиу (трей ын копие ши уна ын орижинал) ауторул анализэе кытева пажинь нечерчетате дин активитатя ачестуй емипент революционар ромын. Доуэ дин скрисориле амиштите, адресате луй И. К. Фриму ши Александру Константинеску, датязэ кореспунзэтор дин мартие ши юние 1907 ши оглиндеск гындуриле, плануриле ши активитатя луй Стефан Георгиу ын перноада, кынд ел се афла арестат ла Пятра-Нямц ши Плоешть. Дин скрисоаря кэтре П. Мушою де ла ынчепутул луй априлие 1907 есе ла ивялэ нэзуинца луй де а реорганиза мишкаря мунчиторяскэ дин Плоешть пе о базэ пролетарэ де класэ, де а интенсифика пропаганда куноштинцелор сочиалисте принтре чей експлоатаць. Скрисоаря а патра, каре а фост скрисэ, пробабил, ын 1910 луна ноембрие концине планул луй Стефан Георгиу ку привире ла креаря ын валя Праховей а унуи черк де едитурэ, каре сэ публиче литературэ пропагандистикэ пентру мунчиторь.

Скрисориле адусе ла куноштинца чититорилор ын ачест артикол евиденциязэ минунателе трэсэтурь але персоналитэций луй Стефан Георгиу, каре ау сервит дрепт пилдэ пентру революционарий ромынь яр азь конституе о мындрие пентру ынтрегул попор ромын.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Советов П. В.</i> О наименовании крестьян — мелких землевладельцев в Молдавии XV — середины XVI вв. (Кто такие содыши?)	3
<i>Подградская Е. М.</i> Ремесленные изделия Львова на молдавском рынке в XVI—XVII вв.	12
<i>Анципов И. А.</i> Земледельческий отход в селениях государственных крестьян Бессарабии (30—60-е гг. XIX в.)	23
<i>Колкер Б. М.</i> Из истории установления военно-фашистской диктатуры в Румынии (сентябрь 1940 г.)	31
<i>Чертан Е. Е.</i> Русские революционные демократы и демократическая печать о проблеме объединения Молдавии и Валахии и их борьбе за независимость	47
<i>Гросул В. Я.</i> Два неизвестных проекта молдаво-валашской конституции (1828—1829 г.)	61
<i>Мошану А. К.</i> Новые документы о деятельности румынского революционера Штефана Георгиу	71

ИЗВЕСТИЯ АКАДЕМИИ НАУК МОЛДАВСКОЙ ССР № 8

Редактор *С. Сырцова*. Художественный редактор *Л. Кирияк*. Технический редактор *А. Аксюк*.
Корректор *Ю. Цуркан*.

Сдано в набор 27/VIII 1964 г. Подписано к печати 25/XI 1964 г. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Печатных листов 7,0. Уч.-изд. листов 6,17. Тираж 500. АБ03920. Цена 45 коп. Зак. № 2865.

Издательство «Картя Молдовеняскэ», Кишинев, ул. Жуковского, 44.

ЭП 2-я тип., Гос. Ком-та по печати Совета Министров МССР, Кишинев, Советская, 8.

2